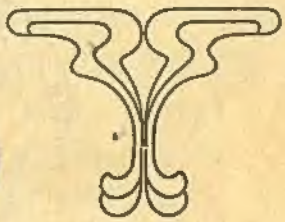
A 234/4
N 8
1908 г.

249/20 сл А 234/4 дб
ф 1-79/11801

ВЪ ССЫЛКѢ И ЗАКЛЮЧЕНІИ.

Воспоминанія Декабристовъ.

Князя Оболенскаго, Басаргина и княгини Волконской.



№ Библіотека Декабристовъ. 8.

[1908]

ф 3390-41

МОСКВА.
Типо-литографія „Русскаго Товарищества" печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., собств. д. Телефоны: 53.95 и 18.35.
1908 г.

отъ редакціи.

Ужасомъ вѣетъ отъ того дня, когда на нѣсколько шаговъ дѣйствовала картечь, подкашивая всѣхъ на своемъ пути, и праваго и виноватаго, и разбрасывая части тѣлъ въ разныя стороны.

Ужасомъ дышетъ 14-ое декабря 1825 года.

И тѣмъ удивительнѣе представляются дѣйствія судьбы, какого-то fatum'а, сберегшаго всѣхъ до одного главныхъ участниковъ и виновниковъ возстанія.

Но, уберегая отъ картечи, судьба не могла спасти ихъ отъ власти побѣдителя; не для счастья и даже не для жизни они спаслись отъ смерти: кромѣ всей горечи пораженія, ужаса разстрѣла, они должны были перенести кандалы, пытки, заключеніе и, наконецъ, одни трагическую смерть, другіе каторжныя работы, третьи сибирскіе казематы.

Наши читатели познакомились съ исторіей возстанія въ Петербургѣ (см. *Василичъ*—Междуцарствіе и возстаніе 1825 года. Часть 1-ая [1]); имъ также извѣстна въ описаніяхъ современниковъ казнь пятерыхъ декабристовъ (см. II том. сочиненій Рылѣева); записки Якушкина передали имъ отчасти картину заключенія въ Петропавловской крѣпости, отчасти жизнь въ заключеніи,— теперь намъ хочется познакомить читателей съ жизнью декабристовъ въ Сибири, съ тѣми безконечными нравственными и физическими муками, на которыя ихъ опредѣлило Николаевское правительство.

Нѣтъ словъ, нѣтъ силъ передать это море страданій, нѣтъ воображенія его представить...

---

[1]) 2-ая часть готова къ печати и будетъ помѣщена въ 9 или 10 выпускѣ.

Кто можетъ разсказать весь трагизмъ, которымъ дышетъ переписка Рылѣева изъ крѣпости со своей женой, кто можетъ безъ содроганій ее читать? Но вѣдь они не одни. По свидѣтельству современниковъ, рѣдко гдѣ не было бы слезъ и печали, гдѣ не имѣли бы арестованнаго брата, сына, мужа или отца.

По оффиціальнымъ даннымъ повсюду было уныніе и скрытое роптаніе.

Полугодовое заключеніе въ казематахъ Петропавловской крѣпости закончилось казнью, невиданной и неслыханной со временъ Пугачева. Горе и несчастье это отразилось и на виновникѣ ея, на томъ, кто не пожелалъ уничтожить этого позора. Императоръ Николай 14-го іюля былъ разстроенъ и пасмуренъ. Однако это не мѣшало въ тотъ же день возносить благодарственный молебенъ объ избавленіи отъ врага.

Этимъ днемъ начинается безпросвѣтная и горькая жизнь въ отверженіи арестантовъ, уголовныхъ преступниковъ, такъ недавно стоявшихъ въ рядахъ защиты престола и отечества, бывшихъ генераловъ и офицеровъ, честно и самоотверженно проливавшихъ кровь свою съ врагомъ престола и отечества, бывшихъ князей, еще такъ недавно блиставшихъ на придворныхъ балахъ.

Теперь они арестанты. Теперь они въ кандалахъ тайно ночью отправляются въ рудники, казематы крѣпостей, откуда уже немногіе возвратятся, найдя себѣ тамъ вѣчное жилище.

. . . . . цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,

пишетъ въ отвѣтъ на посланіе Пушкина князь Одоевскій;— это не только поэтическій порывъ, но это и не успокоеніе. Да его и не откуда было ждать среди суровой, невыносимой дѣйствительности, подъ тяжестью наложеннаго возмездія.

Теперь, какъ каторжане, они лишены всѣхъ правъ, состоянія; они должны забыть своихъ родныхъ, своихъ женъ и дѣтей. Жены, самоотверженно шедшія за сво-

ими мужьями признавались „не иначе, какъ женами ссыльно-каторжныхъ“ и не могли разсчитывать на защиту начальства ни отъ какихъ, даже насильственныхъ оскорбленій, несмотря на то, что эти жены только что получали отъ самого самодержца Николая любезныя письма. Но этого мало: онѣ должны лишиться даже дѣтей, родившихся въ ссылкѣ; послѣднія должны поступать въ заводскіе крестьяне. Этимъ хотѣли окончательно наложить на нихъ печать отверженія. 13-го іюля 1826 года Николай разсыпалъ милосердіе и законъ христіанскій въ глазахъ Европы и Россіи, запрещая „вмѣнять пороки и преступленія декабристовъ по родству кому-либо въ укоризну“, но въ тайникахъ своихъ канцелярій онъ не стѣснялся отбирать подписки о лишеніи дѣтей принадлежащихъ имъ правъ.

Это было наиболѣе тяжелымъ ударомъ для многихъ „каторжниковъ“. Сколько горя, сколько унизительныхъ просьбъ пришлось перенести въ силу этой печати отверженія!

Всякій ли знаетъ положеніе ссыльно-каторжныхъ? всякій ли можетъ представить тяжесть этого положенія? Постоянные окрики часовыхъ, брань конвойныхъ, произволъ и прямо издѣвательство „начальства“,—вотъ что ожидало каждый день съ утра и до вечера „ссыльно-каторжныхъ“.

Жизнь полная лишеній, мукъ и страданій, лишенная малѣйшей увѣренности въ спокойствіи за каждый день, въ томъ, что черезъ часъ или два ты не долженъ рѣшиться умереть голодной смертью или не пойти подъ разстрѣлъ дикаго начальства.

Вотъ чѣмъ закончилось существованіе Тайнаго общества, первою цѣлью котораго было „помощь правительству“; вотъ къ чему привело возстаніе, задуманное такъ спѣшно и выполненное такъ опрометчиво.

Но послушаемъ лучше про эту горькую жизнь отъ самихъ участниковъ, подслушаемъ ихъ плачъ въ ихъ пѣсняхъ, увидимъ ихъ страданія въ ихъ перепискѣ.

Посланіе къ узникамъ.

А. С. Пушкина.

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье;
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

———

Несчастью вѣрная сестра—
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора!

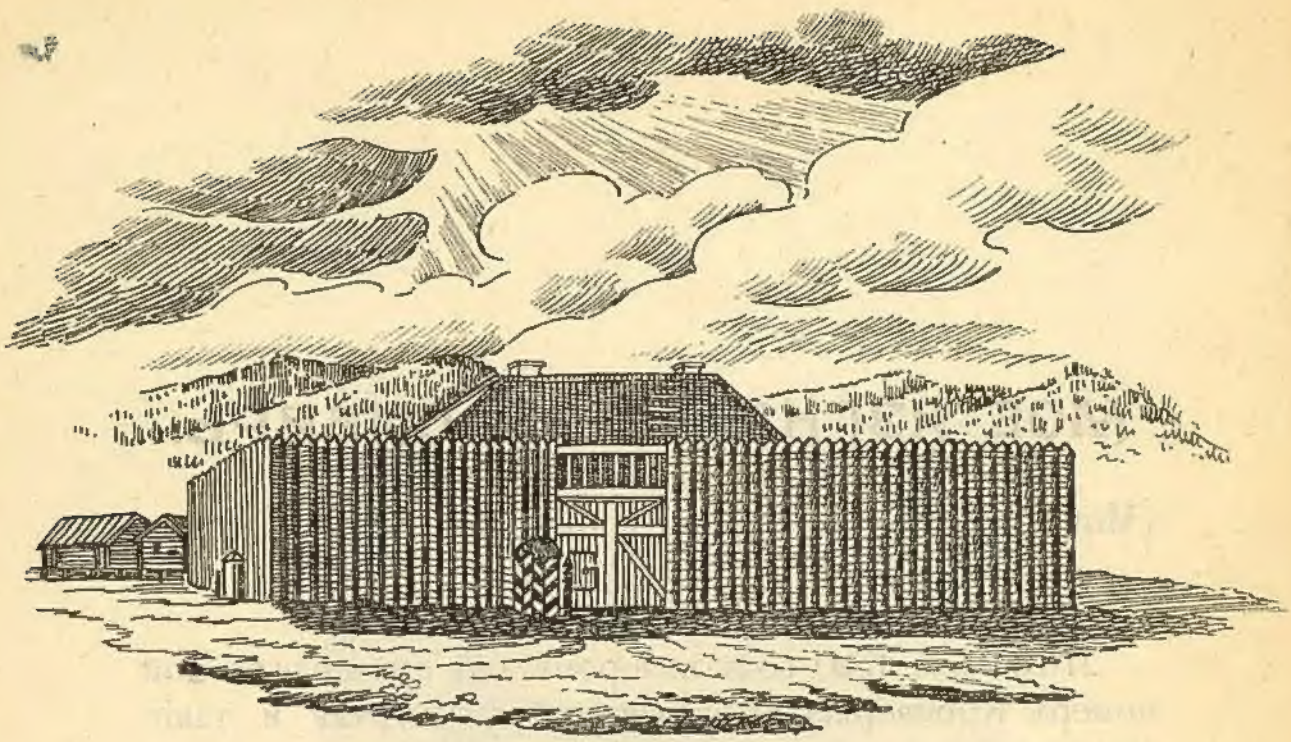
———

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

———

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

———



Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, Бардъ,—цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Обѣтъ святой пребудетъ съ нами.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ;
Изъ искры возгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Одоевскій.

МОЕ ИЗГНАНІЕ ВЪ СИБИРЬ.

(Mon exil en Sibérie, souvenirs du Prince Eugène Obolenski).

21-го іюля 1826 года, вечеромъ, мнѣ принесли въ мой номеръ Кронверкской куртины сѣрую куртку и такіе же панталоны изъ самаго грубаго солдатскаго сукна и возвѣстили, что мы должны готовиться къ отправленію въ путь. Наканунѣ этого дня я имѣлъ свиданіе съ младшими братьями—пажами и, простившись съ ними, просилъ ихъ прислать мнѣ необходимое платье и бѣлье. Они исполнили мое желаніе: вѣроятно, нашли готовый сюртукъ съ брюками, и вмѣстѣ съ бѣльемъ уложили въ небольшой чемоданъ и отправили ко мнѣ; все это я получилъ и, удивляясь новому наряду, который мнѣ принесли, спросилъ у плацъ-маіора: „Зачѣмъ же мнѣ послали партикулярное платье, если хотятъ, чтобы я носилъ сѣрую куртку?“ Отвѣтъ мнѣ былъ, что это отдается на мою волю, и что я могу воспользоваться казеннымъ платьемъ, если этого самъ пожелаю. Но такъ какъ мнѣ приказано было приготовиться къ дорогѣ, то я, пораздумавъ, что у меня не было ни одной копѣйки въ карманѣ, и что въ дальней сторонѣ и въ дальнюю дорогу единственный мой сюртукъ потерпитъ совершенное истребленіе, я рѣшился надѣть казенную аммуницію, которая хотя на видъ не хороша, но весьма была покойна по ширинѣ ея размѣровъ, и сталъ дожидаться времени отправленія. Вскорѣ послѣ полуночи меня повели въ Комендантскій домъ: взойдя въ комнату,

Князь
Е. П. Оболенскій.

вижу Александра Ивановича Якубовича, въ такомъ же нарядѣ, какъ и я.—Вслѣдъ за нимъ вошелъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ—бывшій командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка, и Василій Львовичъ Давыдовъ, отставной лейбъ гусаръ. Артамонъ Захаровичъ былъ одѣтъ щегольски; въ длинномъ сюртукѣ—и со всѣмъ изяществомъ, которое доставляетъ искусство портного, щедро награжденнаго. Его добрая жена, Вѣра Алексѣевна, заботилась о немъ. Василія Львовича я видѣлъ тогда въ первый разъ; не великъ ростомъ, но довольно тучный, съ глазами живыми и выразительными; въ саркастической его улыбкѣ замѣтно было и направленіе его ума, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое добродушіе, которое невольно располагало къ нему тѣхъ, кто ближе съ нимъ былъ знакомъ. На Василіи Львовичѣ былъ надѣтъ фракъ Буту, перваго портного; остальной нарядъ соотвѣтствовалъ изящной отдѣлкѣ лучшаго портного. Мы молча пожали другъ другу руки. Якубовичъ не могъ удержаться отъ восклицанія, когда увидѣлъ меня съ отросшей бородой и въ странномъ моемъ нарядѣ. „Ну! Оболенскій! -сказалъ онъ, подводя меня къ зеркалу: „если я похожъ на Стеньку Разина, то неминуемо ты долженъ быть похожъ на Ваньку Каина“. Вскорѣ дверь распахнулась, и комендантъ крѣпости, генералъ-отъ-инфантеріи Сукинъ громко сказалъ: „по высочайшему повелѣнію, васъ велѣно отправить въ Сибирь закованными“. Выслушавъ повелѣніе, я обратился къ нему и сказалъ, что, не имѣя при себѣ ни одной копѣйки денегъ, я прошу его объ одной милости, чтобы мнѣ возвратили золотые часы, довольно цѣнные, которые были у меня отобраны, когда привезли въ крѣпость. Выслушавъ меня, генералъ приказалъ плацъ-адъютанту Трусову немедленно принести мои часы и возвратить мнѣ. Это было исполнено; вскорѣ потомъ принесли ножныя цѣпи; насъ заковали, сдали фельдъ-егерю Сѣдову при четырехъ жандармахъ, и мы вышли, чтобы отправиться въ дальній путь. Провожая насъ, крѣпостной плацъ-

маіоръ, Егоръ Михайловичъ Подушкинъ, подходитъ ко мнѣ и таинственно пожимаетъ мнѣ руку; я отвѣчалъ пожатіемъ—и тутъ слышу едва внятный его шопотъ: возьмите, это отъ вашего брата. Тутъ я чувствую, что въ рукѣ моей деньги—молча пожалъ я ему руку—и внутренно благодарилъ Бога за неожиданную помощь. У подъѣзда стояли четыре тройки: на одну изъ нихъ меня посадили; невольное грустное чувство обнимало душу. Вдругъ вижу,—на мою телѣгу вскочилъ Козловъ, адъютантъ военнаго министра Татищева, посланный имъ, чтобы быть свидѣтелемъ нашего отправленія; мы съ нимъ мало были знакомы. Онъ обласкалъ меня, какъ братъ родной, и слезы, потокомъ ліясь изъ его глазъ, свидѣтельствовали о глубокомъ чувствѣ, коимъ онъ былъ проникнутъ; отрадно мнѣ было видѣть сочувствіе въ такомъ человѣкѣ, съ которымъ я едва былъ знакомъ. Тройки помчали насъ съ разсвѣтомъ дня черезъ Петербургъ въ Шлиссельбургскую заставу, и мы остановились для перемѣны лошадей на первой станціи..., гдѣ насъ ожидала жена Артамона Захаровича Муравьева для послѣдняго прощанія съ мужемъ. Не болѣе часа пробыли они вмѣстѣ; лошадей перемѣнили, и скоро мы миновали Новую Ладогу и съ обычной быстротой ѣхали все далѣе и далѣе. Путевыя впечатлѣнія совершенно изгладились изъ моей памяти; быстрая и безпокойная ѣзда, новость положенія, все вмѣстѣ не дозволяло обращать вниманія на внѣшніе предметы. Мы останавливались въ гостинницахъ; Артамонъ Захаровичъ былъ общимъ казначеемъ и щедро платилъ за наше угощеніе; постороннихъ лицъ до насъ не допускали; наша отрада состояла въ бесѣдѣ другъ съ другомъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній наиболѣе въ памяти сохранился въѣздъ въ Нижній, который совершился во время открытія ярмарки; тысячи народа толпились на площади, когда мы медленно проѣзжали черезъ площадь къ гостинницѣ. Общее чувство къ намъ выразилось единственно безмолвнымъ созерцаніемъ нашихъ колесницъ съ жан-

дармами, и нашего наряда съ ножными украшеніями. Въ Нижнемъ я купилъ необходимую для меня шинель и нѣкоторыя другія вещи мнѣ нужныя, и изъ 150 рублей, полученныхъ мною отъ Подушкина, немного оставалось у меня въ наличности; мы продолжали путь по большому сибирскому тракту и въ концѣ августа были уже въ Иркутскѣ.

Генералъ-губернаторъ Лавинскій находился въ отсутствіи; насъ принялъ исправляющій его должность ст. сов. Гирловъ; съ нами онъ обошелся ласково и, поговоривъ съ участіемъ съ каждымъ изъ насъ, вышелъ изъ залы; вмѣстѣ съ нимъ вышли и другіе, но оставался чиновникъ, намъ тогда неизвѣстный (это былъ совѣтникъ какой-то палаты Вахрушевъ). Во время нашей бесѣды съ губернаторомъ онъ смотрѣлъ на насъ съ видимымъ участіемъ; наконецъ, когда старшіе чиновники удалились, онъ подходитъ ко мнѣ; слезы у него были на глазахъ; едва внятнымъ голосомъ отъ душевнаго волненія, онъ говорилъ мнѣ: „не откажите мнѣ ради Бога, примите"—и въ руку кладетъ мнѣ 25 руб.: я не зналъ что мнѣ дѣлать, говорю ему шопотомъ: „не безпокойтесь—у меня деньги есть; я не нуждаюсь"—вновь тѣ же слова: „ради Бога, примите"—принуждалъ принять. До нашего конечнаго назначенія въ заводы намъ отвели квартиру у частнаго пристава Затопляева: полицеймейстеръ въ то время былъ Андрей Ивановичъ Пирожковъ; градскимъ головой былъ Ефимъ Андреевичъ Кузнецовъ, впослѣдствіи столько прославившійся богатыми золотыми пріисками, но еще болѣе общественною благотворительностію. Много вниманія и участія оказали намъ, какъ Ефимъ Андреевичъ, такъ прочіе чиновники и купечество, и по возможности старались насъ успокоить и развлечь во время краткаго пребыванія нашего въ квартирѣ г. Затопляева, который самъ, равно какъ и Андрей Ивановичъ Пирожковъ, никакимъ словомъ и никакимъ поступкомъ не оскорбили въ насъ того чувства собственнаго достоинства, кото-

рое неизмѣнно нами сохранялось. Не долго мы пользовались радушнымъ гостепріимствомъ; насъ назначили—меня и Якубовича—въ соляной заводъ, находящійся въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска, подъ названіемъ Усолье; Муравьева и Давыдова въ Александровскій винокуренный заводъ. Мы разстались съ надеждою вновь увидѣться при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ. Съ Якубовичемъ прибыли мы къ мѣсту новаго назначенія 30-го августа. Вслѣдъ за нами пріѣхали въ Иркутскъ: Трубецкой, Волконскій и два брата Борисовыхъ, Петръ Ивановичъ и Андрей Ивановичъ; первые двое были посланы въ Николаевскій, а послѣдніе два въ Александровскій винокуренный заводъ.

По прибытіи въ заводъ, насъ приняли въ заводской конторѣ, отобрали деньги, бывшія при насъ, и отвели квартиру у вдовы, у которой мы поселились въ единственной ея горницѣ; сама же она жила въ избѣ. Начальника соляного завода—горнаго полковника Крюкова,—въ то время не было въ заводѣ, и потому никакого особаго распоряженія объ насъ сдѣлано не было, и мы пользовались свободой, хотя ограниченной полицейскимъ надзоромъ, но не стѣсняемой никакими формальными ограниченіями; время отъ времени насъ посѣщалъ заводскій полицеймейстеръ, урядникъ Скуратовъ, единственное лицо, съ которымъ мы имѣли оффиціальныя сношенія. Съ простымъ народомъ, населяющимъ заводъ, наши сношенія ограничивались покупкою припасовъ и платою за простыя услуги, намъ оказываемыя. Полицейскій невидимый надзоръ непрерывно наблюдалъ за нами, и часто, среди вечерней бесѣды вдвоемъ съ Якубовичемъ, мы слышали осторожные шаги приближающагося къ запертымъ ставнямъ агента полиціи, и глазъ его, сквозь ставеную щель, нерѣдко былъ нами замѣчаемъ. Но вопреки всѣмъ полицейскимъ мѣрамъ, скоро до насъ дошла вѣсть, что княгиня Трубецкая пріѣхала въ Иркутскъ: нельзя было сомнѣваться въ вѣрности извѣстія, потому что никто не зналъ

въ Усульи о существованіи княгини, и потому выдумать извѣстіе о ея прибытіи было бы невозможно; это было, кажется, недѣли черезъ двѣ послѣ прибытія нашего въ заводъ. Къ этому времени прибылъ давно-ожидаемый горный начальникъ Крюковъ, который долженъ былъ окончательно распорядиться о назначеніи насъ на заводскую работу. На другое утро послѣ его прибытія насъ позвали къ нему. Заводская полиція отдалила отъ его дома всѣхъ постороннихъ, и къ нему во время этого свиданія никого не впускали. Онъ насъ принялъ не только ласково, но съ такимъ вниманіемъ, которое глубоко насъ тронуло. Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, разговоръ нашъ принялъ то направленіе полуоткровенное и нестѣснительное для насъ, которое ему умѣлъ дать образованный хозяинъ; вскорѣ затѣмъ вошла въ гостинную его дочь, съ подносомъ въ рукѣ, на которомъ мы увидѣли кофе, приготовленный ея собственными руками. Хозяинъ отрекомендовалъ насъ дочери и мы съ удовольствіемъ выпили приготовленный ею прекрасный кофе:—впослѣдствіи мы узнали, что даже прислуга была выслана изъ дома, чтобы никто изъ постороннихъ не могъ донести о вниманіи, которое намъ оказалъ начальникъ завода. Отпуская насъ, полковникъ объявилъ, что назначитъ намъ работу только для формы, что мы можемъ быть спокойными и никакого притѣсненія опасаться не должны. Мы возвратились домой, довольные и покойные на счетъ будущности, насъ ожидающей; невольно иногда тревожила насъ мысль, что насъ могутъ употребить въ ту же работу, которую несли простые ссыльно-каторжные; я видѣлъ самъ, какъ они возвращались съ работы покрытые съ головы до ногъ соляными кристаллами, которые высыхали на волосахъ, на одеждѣ, на бородѣ—они работали безъ рубашекъ—и каждая пара работниковъ должна была вылить изъ соляного источника въ соляную варницу извѣстное число ушатовъ соленой влаги. На другой день послѣ свиданія съ

начальникомъ урядникъ Скуратовъ приноситъ намъ два казенные топора и объявляетъ, что мы назначены въ дровосѣки и что намъ будетъ отведено мѣсто, гдѣ мы должны рубить дрова—въ количествѣ назначенномъ, для каждаго работника по заводскому положенію; это было сказано вслухъ—шопотомъ же онъ объявилъ, что мы можемъ ходить туда для прогулки и что нашъ урокъ будетъ исполненъ безъ нашего содѣйствія. Въ тотъ же день намъ указали назначенное намъ мѣсто для рубки дровъ, вблизи отъ завода, и мы возвратились домой, довольные прогулкой и назначеніемъ. Между тѣмъ мысль объ открытіи сношеній съ княгиней Трубецкой меня не покидала: я былъ увѣренъ, что она дастъ мнѣ какое-нибудь извѣстіе о старикѣ-отцѣ,—но какъ исполнить намѣреніе при бдительномъ надзорѣ полиціи—было весьма затруднительно; вставъ рано по утру въ день, назначенный для начала работы, и напившись чаю, я простился съ Якубовичемъ, который былъ боленъ воспаленіемъ глазъ, подпоясалъ шинель, заткнулъ за поясъ данный мнѣ топоръ и отправился въ назначенное намъ мѣсто. Прибывъ въ лѣсъ, я разсудилъ, что лучше приняться за работу, нежели праздно проводить время. Сверхъ того зная опасенія полковника Крюкова на доносы и не желая ввести его въ отвѣтственность за его къ намъ снисхожденіе, я храбро взялся за топоръ и началъ рубить деревья, сколько у меня было силъ и умѣнья. Много я трудился, пока свалилъ первое дерево и, наработавшись до поту лица, весело возвратился домой, въ полной увѣренности, что исполнилъ долгъ благодарности въ отношеніи къ внимательному начальнику. Между тѣмъ, во время моей прогулки въ лѣсъ, замѣтилъ я человѣка, одѣтаго довольно нарядно въ крытомъ сукномъ полушубкѣ, съ чертами лица, довольно замѣчательными, и съ выраженіемъ какого-то особеннаго сочувствія, когда онъ мнѣ сдѣлалъ обычный свой привѣтъ. Вечеромъ того же дня вижу его вновь не далеко отъ нашего дома, и мнѣ показалось, что онъ

дѣлаетъ мнѣ таинственные знаки: мое вниманіе было обращено на таинственнаго незнакомца. На другой день, выйдя на работу, я вновь увидѣлъ его на моемъ пути, и тотъ же таинственный знакъ указалъ мнѣ на лѣсъ, куда я направлялъ мой путь; начавъ работу, я началъ забывать мою встрѣчу, но вижу, какъ онъ пробирается сквозь чащу въ уединенное мѣсто и знакомъ, едва замѣтнымъ, манитъ меня туда: не долго я думалъ и пошелъ за нимъ. Мой незнакомецъ встрѣчаетъ меня таинственными, но торжественными словами: „мы давно знаемъ о вашемъ прибытіи, въ пророчествѣ Іезекіиля, въ такой-то главѣ, о васъ сказано, и мы васъ ожидали—нашихъ здѣсь много: надѣйтесь на насъ, мы васъ не выдадимъ". Изъ его словъ я видѣлъ сектатора; но ни мѣсто свиданія, ни время не позволили мнѣ его разувѣрить въ его заблужденіи; лѣсная дорога, чрезъ которую проѣзжали крестьяне, была недалеко; я уже слышалъ скрипъ телѣги невдалекѣ; не теряя времени, я ему сказалъ: „ты ошибаешься, мой другъ, но если хочешь сослужить мнѣ даровую службу, то исполни. Берешься ли доставить письмо къ княгинѣ Трубецкой, въ Иркутскъ, за труды не могу я тебѣ заплатить, у меня денегъ нѣтъ?" Не долго онъ думалъ. „Будьте покойны", сказалъ онъ мнѣ, „завтра въ сумерки я буду на такомъ-то мѣстѣ; принесите письмо—оно будетъ доставлено". Такъ мы разстались; я догадывался потомъ, что мой незнакомый знакомецъ принадлежалъ къ сектѣ духоборцевъ; посовѣтовавшись съ Якубовичемъ, я рѣшился написать письмо, и въ назначенное время отнесъ къ моему пріятелю, онъ его взялъ,—и въ ту же ночь отправился въ Иркутскъ. Онъ вѣрно исполнилъ порученіе—и чрезъ два дня принесъ письмо отъ княгини Трубецкой, которая увѣдомляла о своемъ прибытіи, доставила успокоительныя извѣстія о родныхъ и обѣщала вторичное письмо предъ отъѣздомъ въ Николаевскій заводъ къ мужу: чрезъ повѣреннаго Ефима Андреевича Кузнецова письмо было вскорѣ получено,

и мы нашли въ немъ пятьсотъ рублей, коими княгиня дѣлилась съ нами. Тогда же предложила она намъ писать къ роднымъ, съ обѣщаніемъ доставить наше письмо чрезъ секретаря ея отца, который сопутствовалъ ей до Иркутска и долженъ былъ возвратиться обратно въ Петербургъ. Случай благопріятный былъ драгоцѣненъ для насъ и мы имъ воспользовались, сердечно благодаря Катерину Ивановну за ея дружеское вниманіе.

Но время теперь коснуться замѣчательной личности, каковою была княгиня Катерина Ивановна, рожденная графиня Лаваль. Ея отецъ со времени французской революціи поселился у насъ, женившись на Александрѣ Григорьевнѣ Козицкой, получилъ вмѣстѣ съ ея рукою богатое наслѣдство, которое придавало его дому тотъ блескъ, въ которомъ роскошь служитъ только украшеніемъ и необходимою принадлежностью высокаго образованія и изящнаго вкуса. Воспитанная среди роскоши, Катерина Ивановна съ малолѣтства видѣла себя предметомъ вниманія и попеченія какъ отца, который нѣжно ее любилъ, такъ и матери и прочихъ родныхъ. Кажется въ 1820 году она находилась въ Парижѣ, съ матерью, когда князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой пріѣхалъ туда же, провожая больную свою двоюродную сестру княжну Куракину; познакомившись съ графиней Лаваль, онъ скоро сблизился съ Катериной Ивановной, предложилъ ей руку и сердце и, такимъ образомъ, устроилась ихъ судьба, которая, впослѣдствіи, такъ рѣзко очертила высокій характеръ Катерины Ивановны и среди всѣхъ превратностей судьбы устроила ихъ семейное счастіе на такихъ прочныхъ основаніяхъ, которыхъ ничто не могло поколебать впослѣдствіи. По сношеніямъ Общества, я былъ близокъ съ княземъ Сергѣемъ Петровичемъ; въ 1821 году я въ первый разъ увидѣлъ Катерину Ивановну и съ того времени дружба къ ней и глубокое уваженіе не измѣнялись, но, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развиваясь, приняли

тотъ характеръ, который теперь, когда ея нѣтъ уже между нами, когда она уже приняла высшую награду отъ единаго истиннаго цѣнителя всей нашей жизни, остались начертанныя чертами неизгладимыми тамъ, гдѣ все лучшее переходитъ съ нами въ иной міръ. Событіе 14-го декабря и отправленіе въ Сибирь князя Сергѣя Петровича служили только поводомъ къ развитію тѣхъ силъ души, коими одарена была Катерина Ивановна и которыя она такъ прекрасно умѣла употребить для достиженія высокой цѣли исполненія супружескаго долга, въ отношеніи къ тому, съ коимъ соединена была узами вѣчной, ничѣмъ не разрушимой; она просила, какъ высшей милости, слѣдовать за мужемъ и раздѣлять его участь, получила высочайшее дозволеніе и, вопреки настоянію матери, которая не хотѣла ее отпускать, отправилась въ дальній путь, въ сопровожденіи секретаря графа Лаваля, француза M-r Vaucher; недоѣзжая ста или болѣе верстъ до Красноярска, карета ея сломалась, починить ее было невозможно; княгиня не долго думала, сѣла въ перекладную телѣгу и, такимъ образомъ, доѣхала до Красноярска, откуда она послала тарантасъ, ею купленный, за своимъ спутникомъ, который не могъ выдержать телѣжной ѣзды и остановился на станціи. Соединившись, наконецъ, съ мужемъ въ Николаевскомъ заводѣ, она съ того времени никогда не покидала насъ и была, во все время нашей общей жизни, нашимъ Ангеломъ-Хранителемъ. Трудно выразить то, чѣмъ были для насъ дамы, спутницы своихъ мужей; по справедливости ихъ можно назвать сестрами милосердія, которыя имѣли о насъ попеченіе, какъ близкія родныя, коихъ присутствіе вездѣ и всегда вливало въ насъ бодрость, душевную силу; а утѣшеніе, коимъ мы обязаны имъ, словами изъяснить невозможно. Вслѣдъ за княгинею Трубецкой пріѣхала и княгиня Марія Николаевна Волконская, дочь знаменитаго въ отечественныхъ войнахъ Николая Николаевича Раевскаго: въ то время, о которомъ я говорю, ея не было

еще въ Иркутскѣ; но обратимся къ прерванному разсказу.

Дни наши въ заводѣ текли однообразно: каждый день утромъ мы шли съ Якубовичемъ на обычную работу, и я, наконецъ, достигъ въ рубкѣ дровъ того навыка, что могъ уже нарубать $^1/_4$ сажени въ день; въ третьемъ часу мы возвращались домой, обѣдали сытно, хотя не роскошно, а вечеръ проводили или въ бесѣдѣ другъ съ другомъ, или играли въ шахматы. Сравнительно съ тѣмъ, чего я ожидалъ, мы были такъ покойны, что я рѣшительно не вѣрилъ, чтобы наше положеніе не измѣнилось къ худшему; мой товарищъ былъ мнѣнія противнаго, и находился въ твердомъ убѣжденіи, что вмѣстѣ съ коронаціей, назначенной 22-го августа, послѣдуетъ манифестъ о нашемъ возвращеніи. Каждый изъ насъ отстаивалъ свое мнѣніе, и бесѣды наши оживились, какъ разсказами товарища о кавказской боевой его жизни, такъ и воспоминаніями о недавнемъ прошедшемъ; такимъ образомъ, протекали дни, какъ вдругъ, вечеромъ 5-го октября, въ то время, когда мы играли въ шахматы, входитъ урядникъ Скуратовъ и объявляетъ намъ, чтобы мы собирались въ дорогу и что насъ велѣно представить въ Иркутскъ. Первая мысль товарища была, что манифестъ присланъ съ фельдъегеремъ и что насъ зовутъ въ Иркутскъ, чтобы объявить высочайшую милость. Я молчалъ, но думалъ противное, и началъ укладывать все, что можно было помѣстить въ наши чемоданы; однимъ словомъ, все, что не принадлежало къ домашней кухонной утвари. Мой товарищъ рѣшительно не хотѣлъ брать ничего съ собою въ полной увѣренности, что онъ скоро, на возвратномъ пути, легче и удобнѣе можетъ заѣхать въ Усолье и взять съ собою все то, что ему покажется нужнымъ для обратнаго пути. Молча я сдѣлалъ свое дѣло: уложилъ наши чемоданы, но никакъ не могъ уговорить товарища взять мѣдныхъ 25 руб., которые остались на рукахъ хозяйки до предполагае-

маго нашего возвращенія; тройки прибыли; при каждомъ изъ насъ посадили по два казака, на третьей тройкѣ насъ провожалъ урядникъ Скуратовъ. Я указалъ молча Якубовичу на нашъ конвой; но онъ махнулъ рукой и, говоря: «вотъ услышишь, тогда повѣришь», сѣлъ на передовую тройку и поскакалъ. Такимъ образомъ продолжали мы путь до Иркутска. На перевозѣ тройка Якубовича была первая—переѣхавъ на другой берегъ, онъ махалъ мнѣ бѣлымъ платкомъ. Тронулась наша тройка. Это было въ самую заутреню 6-го октября. Мы въѣзжаемъ въ городъ. Якубовичъ не перестаетъ мнѣ махать бѣлымъ платкомъ; наконецъ, ѣдемъ далѣе, проѣзжаемъ весь городъ, нигдѣ не останавливаясь; бѣлый платокъ пересталъ развѣваться; выѣзжаемъ, наконецъ, за городъ и на четвертой верстѣ видимъ зданіе, окруженное войскомъ: тутъ были и казаки, и пѣхота; часовые разставлены вездѣ. Это были казармы казачьяго войска. Въѣзжаемъ на дворъ; Якубовичъ соскочилъ съ телѣги: его встрѣчаетъ Андрей Ивановичъ Пирожковъ. Недолго задумывался нашъ кавказецъ: «помилуйте, Андрей Ивановичъ,—говоритъ онъ ему,—у васъ здѣсь собрана и пѣхота, и кавалерія; гдѣ же ваша артиллерія?» Андрей Ивановичъ не могъ не улыбнуться, но молча протянулъ намъ руку, провелъ въ верхній покой, гдѣ мы нашли князей Трубецкаго и Волконскаго; тутъ мы узнали истинную причину нашего пріѣзда; *насъ отправляли въ Нерчинскіе рудники!* Насъ угостили чаемъ, завтракомъ, а между тѣмъ тройки для дальнѣйшаго нашего отправленія были уже готовы. Въ это время, смотря въ окошко, вижу неизвѣстную мнѣ даму, которая, въѣхавъ на дворъ, соскочила съ дрожекъ и что-то разспрашиваетъ у окружившихъ ее казаковъ. Я зналъ отъ Сергѣя Петровича, что Катерина Ивановна въ Иркутскѣ и догадывался, что неизвѣстная мнѣ дама спрашиваетъ о немъ. Поспѣшно сбѣжавъ съ лѣстницы, я подбѣжалъ къ ней: это была княжна Шаховская, пріѣхавшая съ сестрой, женой

Александра Николаевича Муравьева, посланнаго на жительство въ городъ Верхне-Удинскъ. Первый ея вопросъ былъ: «здѣсь ли Сергѣй Петровичъ?» На отвѣтъ утвердительный она мнѣ сказала: «Катерина Ивановна ѣдетъ вслѣдъ за мною: она непремѣнно хочетъ видѣть мужа передъ отъѣздомъ, скажите это ему». Но начальство не хотѣло допускать этого свиданія и торопило насъ къ отъѣзду; мы медлили сколько могли, но, наконецъ, принуждены были сѣсть въ назначенныя намъ повозки. Лошади тронулись; въ это время вижу Катерину Ивановну, которая пріѣхала на извозчикѣ и успѣла соскочить и закричать мужу; въ мгновеніе ока Сергѣй Петровичъ соскочилъ съ повозки и былъ въ объятіяхъ жены; долго продолжалось это нѣжное объятіе, слезы текли изъ глазъ обоихъ. Полицеймейстеръ суетился около нихъ, просилъ ихъ разстаться другъ съ другомъ: напрасны были его просьбы. Его слова касались ихъ слуха, но смыслъ ихъ для нихъ былъ непонятенъ. Наконецъ, однако жъ, послѣднее «прости» было сказано, и вновь тройки умчали насъ съ удвоенною быстротою. Княгиня Трубецкая осталась въ неизвѣстности объ участи мужа. Никто не хотѣлъ ей сказать истины объ окончательномъ назначеніи нашемъ; но, твердо рѣшившись слѣдовать за мужемъ и раздѣлять его участь, какою бы она ни была горькою и тягостною, княгиня обратилась къ начальству съ требованіемъ, чтобы ей дозволено было слѣдовать за мужемъ и раздѣлять съ нимъ его участь. Долго томили ее разными отвѣтами; въ это время пріѣхала въ Иркутскъ княгиня Марія Николаевна Волконская, и обѣ соединились въ одной мысли соединиться съ мужьями и дѣйствовали въ одномъ и томъ же рѣшительномъ духѣ, не отступая ни передъ угрозами, ни передъ убѣжденіями. Наконецъ, имъ представили положеніе о женахъ ссыльно-каторжныхъ, и о правилахъ, на которыхъ онѣ допускаются въ заводы. Во-первыхъ, онѣ должны отказаться отъ пользованія тѣми правами, которыя принад-

лежатъ имъ по званію и состоянію. Во-вторыхъ, онѣ не могутъ ни получать, ни отправлять писемъ и денегъ, иначе какъ черезъ заводское начальство. Далѣе: свиданіе съ мужьями дозволяется имъ только по волѣ того же начальства, и въ томъ мѣстѣ, которое имъ же будетъ опредѣлено. Изустно же прибавляли къ этимъ правиламъ, что заводское начальство могло даже требовать отъ нихъ и личной прислуги, какъ-то мытья половъ и тому подобное. Прочитавъ условія, Катерина Ивановна и Марья Николаевна не усомнились утвердить ихъ своими подписями и, такимъ образомъ, начальство было, наконецъ, вынуждено дать свое согласіе и дозволить имъ безпрепятственно слѣдовать за мужьями въ Нерчинскіе рудники.

Пока длились эти переговоры, мы уже давно переѣхали черезъ Байкалъ на двухъ-мачтовомъ, низенькомъ суднѣ «Ермакъ». Когда мы еще были на берегу, къ намъ присоединились и прочіе товарищи: Муравьевъ, Давыдовъ и два брата Борисовыхъ. Такимъ образомъ на восьми тройкахъ, отъ Писольскаго монастыря помчали насъ по большому Нерчинскому тракту, при двухъ казачьихъ офицерахъ; при насъ былъ хорунжій Чаусовъ—сынъ атамана Иркутскаго казачьяго полка; при второй партіи — хорунжій Черепановъ; оба—люди добрые, не притязательные, которые исполняли свой долгъ и были твердо убѣждены, что мы не введемъ ихъ въ отвѣтственность никакимъ необузданнымъ поступкомъ. Казаки, насъ сопровождавшіе, какъ всѣ добрые русскіе люди, были готовы оказать намъ, во всякое время, всякую помощь и всякую услугу. Изъ путевыхъ впечатлѣній наиболѣе врѣзался мнѣ въ память пріѣздъ нашъ, поздно вечеромъ, къ берегу рѣки за Верхне-Удинскомъ. Тутъ былъ перевозъ, и мы остались ночевать. Поставили самоваръ, и мы начали пить чай: въ это время входитъ къ намъ въ избу молодой парень, хорошо одѣтый, и чистымъ русскимъ нарѣчіемъ говоритъ намъ: «Дѣдушка проситъ

васъ принять его хлѣбъ-соль»; съ этими словами онъ вноситъ къ намъ корзину съ чистымъ бѣлымъ хлѣбомъ, съ булками, сухарями; все было такъ чисто, хорошо, вкусно, что мы не мало удивились, увидя въ такомъ дальнемъ краѣ такую роскошь; поблагодаривъ юношу, мы просили его передать нашу благодарность его почтенному дѣду и просили его посѣтить насъ, если это его не затруднитъ. Черезъ часъ пріѣхалъ къ намъ и старецъ, и мы долго и пріятно бесѣдовали съ нимъ; онъ называлъ себя кореннымъ сибирякомъ, т.-е. его предки поселились тутъ съ первыхъ временъ населенія Забайкальскаго края; трудомъ землевладѣльческимъ и промышленностію звѣриной ловли пріобрѣли они то благосостояніе, коимъ онъ нынѣ пользовался. Простившись съ нимъ, мы еще долго бесѣдовали о старцѣ и о томъ краѣ, который онъ съ такою любовью намъ описывалъ. За этимъ первымъ впечатлѣніемъ слѣдовало другое, не менѣе пріятное, хотя въ другомъ родѣ: это была остановка въ селѣ Біанкинѣ, гдѣ насъ принялъ и угостилъ купецъ Кондинскій; его обѣдъ и угощеніе были роскошны. Радушіе хозяевъ было полное: они желали угостить насъ баней, но мы не могли оставаться долго у нихъ, чтобы не ввести въ отвѣтственность офицеровъ, и потому, простившись съ хозяевами и поблагодаривъ за угощеніе, мы отправились въ дальній путь. Во время этого краткаго переѣзда по селеніямъ, принадлежавшимъ къ Нерчинскимъ заводамъ, меня поразила картина, довольно необыкновенная въ это время года, гдѣ морозъ доходитъ до 10-ти и болѣе градусовъ: это были дѣти разныхъ возрастовъ, которыя, въ полдень, стояли кучками около избы, безъ всякой одежды—какъ мать родила,—и грѣлись на солнцѣ. Зрѣлище такой бѣдности давало понятіе о благосостояніи заводскихъ крестьянъ. Скоро мы прибыли къ мѣсту нашего назначенія—въ Благодатскій рудникъ—и тройки наши остановились у казармы, приготовленной для нашего жилища. Это было строеніе 7-ми саженъ длины

и 5-ти ширины; въ немъ были двѣ избы, первая со входа назначалась для караульныхъ солдатъ, вторая для насъ; въ нашей избѣ, со входа по лѣвую сторону находилась огромная русская печь; направо вдоль всей избы устроены были три чулана, отдѣленные другъ отъ друга досчатыми перегородками; къ противоположной стѣнѣ отъ двери устроена была третья комната, наскоро сколоченная изъ досокъ. Къ тремъ первымъ чуланамъ вели двѣ ступени и у каждаго чулана навѣшена дверь. Размѣръ первыхъ двухъ чулановъ былъ: съ первой стороны—3 аршина съ небольшимъ длины и аршина два ширины. Размѣръ послѣдняго чулана—длина та же, но ширина аршина четыре. Скоро мы размѣстились. Давыдовъ и Якубовичъ заняли каждый по особому чулану. Трубецкой и я помѣстились вмѣстѣ въ третьемъ чуланѣ. Трубецкой имѣлъ свою досчатую кровать въ длину; моя кровать устроена была такъ, что половина моего туловища находилась подъ кроватью Трубецкаго, а другая примыкала къ двери; Волконскій занялъ противоположную сторону, противъ Трубецкаго. Муравьевъ и двое Борисовыхъ помѣстились подобнымъ образомъ въ своей досчатой комнатѣ. Караулъ нашъ состоялъ изъ горнаго унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ, которые безсмѣнно сторожили насъ, во все время нашего пребыванія въ Благодатскомъ рудникѣ. Караулъ былъ внутренній; тѣ же караульные готовили намъ кушанье, ставили самоваръ, служили намъ и скоро полюбили насъ и были намъ полезнѣйшими помощниками. Насъ принялъ управляющій рудникомъ, горный офицеръ, котораго фамилію я запомнилъ.

Намъ дали отдохнуть дня три: отобрали бывшія при насъ деньги и распорядились такимъ образомъ, чтобы мы изъ выдаваемыхъ намъ денегъ могли закупать всю нужную намъ провизію, а въ издержанныхъ деньгахъ отдавали бы отчетъ. Денегъ оказалось весьма мало: всякій отдавалъ изъ своихъ денегъ, что хотѣлъ, и никто

не требовалъ большаго противъ того, что было нами показано. Въ теченіе этихъ трехъ дней пріѣхалъ и начальникъ Нерчинскихъ заводовъ – бергъ-гауптманъ Тимофей Степановичъ Бурнашевъ—взглянуть на насъ; на словахъ онъ былъ довольно грубъ, но въ его распоряженіяхъ видно было желаніе облегчить наше положеніе, не обременяя насъ излишнею тягостію. Скоро настало время начала нашихъ работъ: наканунѣ намъ было объявлено, чтобы мы приготовились съ раннимъ утромъ къ предстоявшему труду; на другой день въ 5 часовъ пришли къ нашимъ казармамъ штегеръ съ рабочими, назначенными намъ въ товарищи; началась перекличка: „Трубецкой?“ отвѣтъ: „я“; „Ефимъ Васильевъ?“ и Трубецкой пошелъ съ Ефимомъ Васильевымъ. „Оболенскій?“—„я“; „Николай Бѣловъ?“ и двое мы пошли тѣмъ же путемъ. Такимъ образомъ всѣхъ насъ распредѣлили по разнымъ шахтамъ; дали каждой парѣ по сальной свѣчѣ, мнѣ дали въ руку кирку, товарищу молотъ и мы спустились въ шахты и пришли на мѣсто работы. Работа была не тягостна: подъ землею вообще довольно тепло, но когда нужно было согрѣться, я бралъ молотъ и скоро согрѣвался. Въ одиннадцать часовъ звонокъ возвѣщалъ окончаніе работы, и мы возвращались въ свою казарму; тогда начинались приготовленія къ обѣду. Артельщикомъ былъ нами выбранъ Якубовичъ, какъ самый опытный по военно-кухонной части. Вообще, мы пользовались полной свободой внутри нашей казармы; двери были открыты; мы обѣдали, пили чай и ужинали вмѣстѣ. Большое утѣшеніе было для насъ то, что мы были вмѣстѣ; тотъ же кругъ, въ которомъ мы привыкли, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, мѣняться мыслями и чувствами, перенесенъ былъ изъ петербургскихъ палатъ въ нашу убогую казарму; все болѣе и болѣе мы сближались и общее горе скрѣпило еще болѣе узы дружбы, насъ соединявшей. Одна неизвѣстность о томъ, увѣнчается ли успѣхомъ твердое намѣреніе княгинь Трубецкой и Волконской соединиться

съ мужьями, волновала насъ въ первыя недѣли послѣ нашего пріѣзда. Но вскорѣ и это недоумѣніе разрѣшилось; обѣ прибыли благополучно и обѣ заняли небольшую избу въ рудникѣ, въ полуверстѣ отъ нашихъ казармъ. Скоро назначено было свиданіе нашимъ дамамъ въ самой казармѣ. Время свиданія могло продлиться часъ. Первая пришла Катерина Ивановна; мы вошли съ Волконскимъ къ сосѣдямъ товарищамъ, свиданіе кончилось смѣною Марьи Николаевны, которая въ томъ же номерѣ бесѣдовала съ мужемъ опредѣленное время. Прибытіе этихъ двухъ высокихъ женщинъ, русскихъ по сердцу, высокихъ по характеру, благодѣтельно подѣйствовало на насъ всѣхъ; съ ихъ прибытіемъ у насъ составилась семья. Общія чувства обратились къ нимъ, и ихъ первою заботою были мы же; своими руками шили онѣ намъ то, что имъ казалось необходимымъ для каждаго изъ насъ; остальное покупалось ими въ лавкахъ; однимъ словомъ, то, что сердце женское угадываетъ по инстинкту любви, этого источника всего высокаго, было имъ угадано и исполнено; съ ихъ прибытіемъ и связь наша съ родными, съ близкими сердцу, получила то начало, которое потомъ уже не прекращалось, по ихъ родственной попечительности доставлять и роднымъ нашимъ тѣ извѣстія, которыя могли ихъ утѣшать при совершенной неизвѣстности о нашей участи. Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны въ продолженіе столькихъ лѣтъ, которыя ими посвящены были попеченію о своихъ мужьяхъ,—а вмѣстѣ съ ними и объ насъ? Какъ не вспомнить и импровизированныя блюда, которыя приносили намъ въ нашу казарму Благодатскаго рудника—плоды трудовъ княгинь Трубецкой и Волконской, въ которыхъ ихъ теоретическое знаніе кухоннаго искусства было подчинено совершенному невѣдѣнію примѣненія теоріи къ практикѣ? Но мы были въ восторгѣ и намъ все казалось такъ вкуснымъ, что едва-ли хлѣбъ, недопеченный рукою княгини Трубецкой, не показался бы намъ вкуснѣе луч-

шаго произведенія перваго петербургскаго булочника. Какъ не вспомнить и ежедневныхъ ихъ посѣщеній нашей казармы въ первомъ или во второмъ часу, въ тѣ дни, въ которые не позволено было имѣть личнаго свиданія съ мужьями? Издали мы видѣли ихъ приближеніе; имъ выносили два стула; онѣ садились противъ единственнаго окна нашего чулана—и тутъ проводили часъ и болѣе въ нѣмой бесѣдѣ съ мужьями? Иногда онѣ приходили вмѣстѣ; иногда каждая назначала себѣ часъ свиданія и приходила отдѣльно. Морозъ доходилъ до 20-ти градусовъ: закутанныя въ шубахъ, онѣ сидѣли, доколѣ морозъ не леденилъ ихъ членовъ. Помню, какъ однажды, глядя на Катерину Ивановну, я замѣчаю, что она прижимаетъ свои ножки, видимо страдая отъ стужи; я сообщилъ свое замѣчаніе Сергѣю Петровичу; онъ посмотрѣлъ на ботинки и, увидѣвъ, что она надѣла старыя, уже довольно поношенныя, обѣщался пожурить ее за то, что она въ такой сильный морозъ не надѣла своихъ новыхъ, теплыхъ ботинокъ, а вышла въ старыхъ, истертыхъ. На другой день было свиданіе;—слѣдствіе было произведено и оказалось, что дѣйствительно новыя ботинки существуютъ, но что ихъ нельзя было надѣть, потому что ленты, коими онѣ прикрѣплялись, были отпороты для того, чтобы употребить на шапочку изъ тафты, которую мнѣ сшила княгиня для работы подъ землею, гдѣ шапочка оберегала мою голову отъ руды, коею наполнялись мои волосы при каждомъ сотрясеніи отъ ударовъ молотомъ.

Скоро, однакожъ, при ежедневныхъ нашихъ трудахъ подъ землею, послѣдовало распоряженіе, которое вывело насъ изъ обычнаго спокойнаго нашего положенія и было причиною сильной тревоги, которая отозвалась въ сердцѣ нашихъ хранительницъ. Къ намъ назначили особаго горнаго офицера, молодого *Рикъ*, вѣроятно, для ближайшаго надзора надъ нами; мы не предвидѣли никакого измѣненія въ нашемъ положеніи; но по окончаніи обѣда, или вечерняго чаю, получаемъ приказаніе

отъ г. Рика идти въ наши чуланы, съ тѣмъ, чтобы во все время, кромѣ работъ, быть тамъ запертыми и не смѣть оттуда выходить ни для обѣда, ни для ужина; и то, и другое, равно какъ и чай, мы должны были получать отъ сторожей, которые должны были разносить намъ пищу по нашимъ чуланамъ. Мы показали г. Рику наши чуланы, сказали ему, что невозможно будетъ намъ вынести душнаго и злокачественнаго воздуха, если мы будемъ заперты въ продолженіе 18-ти часовъ, что никакое здоровье не можетъ выдержать этого неестественнаго положенія. Никакія убѣжденія не могли подѣйствовать на г. Рика. Онъ подумалъ, что наши слова означаютъ нашу рѣшимость не повиноваться его распоряженію и закричалъ солдатамъ: „гоните ихъ!“ И, дѣйствительно, солдаты были готовы къ исполненію приказанія; но они знали насъ, и потому мы взошли въ свои казематы, безпрекословно повинуясь отданному приказанію, а солдаты молча смотрѣли на насъ. Когда г. Рикъ удалился, мы начали разсуждать между собою, на что слѣдуетъ рѣшиться. То, что мы говорили г. Рику, было полнымъ нашимъ убѣжденіемъ; намъ казалось и, дѣйствительно, было невозможно, выдержать злокачественность воздуха въ томъ маломъ пространствѣ, въ которомъ мы находились, гдѣ другого положенія мы не могли имѣть, кромѣ сидячаго или лежачаго. Трубецкой, когда вставалъ, долженъ былъ нагнуться, потому что головой онъ касался потолка. Долго разсуждая, не зная кому изъ насъ пришла мысль не принимать пищи до тѣхъ поръ, пока условія нашего заключенія не измѣнятся. Единогласно рѣшено было привести это предложеніе въ исполненіе, съ того же вечера мы отказались отъ предложеннаго ужина; на другой день вышли на работу не напившись чаю; возвратившись, отказались отъ обѣда и, такимъ образомъ, провели первыя сутки безъ пищи—и не принимали даже воды, которую намъ предлагали. На другія сутки повторилось то же самое. Не помню, въ этотъ ли второй,

или на третій день нашего добровольнаго поста, насъ на работу не вызывали, но объявили, что ожидаютъ начальника, г. Бурнашева. Мы приготовились къ бурной встрѣчѣ; часу въ двѣнадцатомъ видимъ ефрейтора и двухъ рядовыхъ съ примкнутыми штыками, которые подходятъ къ нашимъ казармамъ; вызвали Трубецкаго и Волконскаго; мы простились, не зная, что будетъ съ ними; неизвѣстность будущаго невольно тревожила насъ. Сижу у окошка—это было, кажется, въ январѣ—морозъ сильный; вижу на дорогѣ стоятъ княгини Трубецкая и Волконская; обѣ ожидали мужей, которые должны были пройти мимо нихъ. Но голосъ ихъ едва доходилъ до слуха мужей; это было видно потому, что и та и другая умоляющими жестами дополняли то, что выговорить не могли. Со страхомъ и трепетомъ ждали мы возвращенія товарищей; видимъ, ихъ ведутъ обратно; я перекрестился; настала наша очередь съ Якубовичемъ; изъ словъ Трубецкаго мы могли только понять, что Тимофей Степановичъ былъ грозенъ; мы взошли; не стану говорить о грубости его выраженій, она была естественна въ немъ; *его угрозы плетей, кнута и прочаго составляли часть его монолога;* его обвиненіе, что мы затѣяли бунтъ и что бунтовать онъ намъ не позволитъ. Нашъ отвѣтъ былъ весьма кратокъ и простъ: что если онъ называетъ бунтомъ непринятіе нами пищи, то пусть вспомнитъ, что во все время нашего пребыванія въ Благодатскомъ рудникѣ мы ни разу ни въ чемъ не преступали тѣхъ приказаній, которыя намъ были даны; что мы были совершенно довольны его распоряженіями до того времени, какъ г. Рикъ стѣснилъ одну единственную, невинную свободу, коей мы пользовались и что неестественно желать пищи, находясь въ томъ тѣсномъ пространствѣ, въ какомъ мы помѣщались. Насъ отпустили немного смягченнымъ голосомъ, но никакой надежды на измѣненіе не подавали. Послѣ насъ пошли, тѣмъ же порядкомъ, и прочіе товарищи. Слышали то же самое; говорили то же и возвра-

тились такъ же. Къ обѣду наши чуланы были отперты и все пошло прежнимъ порядкомъ. Невольною, горячею молитвою почтилъ я окончаніе этого эпизода нашей Нерчинской жизни. Въ нашей рѣшимости разсужденія не было; инстинктивно предложеніе сдѣлано, принято такъ же и приведено въ исполненіе. Но успѣхъ увѣнчалъ наше желаніе освободиться отъ положенія тягостнаго, котораго мы, можетъ быть, не вынесли бы...

Наши работы продолжались тѣмъ же порядкомъ и единственное измѣненіе, которое произошло въ порядкѣ нашихъ дней, состояло въ томъ, что мужья получили дозволеніе имѣть свиданіе съ женами въ ихъ квартирѣ, куда ихъ провожалъ конвойный, который становился на часы во все время свиданія. Это измѣненіе весьма было пріятно для нашихъ дамъ. Настала весна и мы получили позволеніе дѣлать прогулки при конвоѣ, въ свободные дни отъ работъ, по богатымъ лугамъ, орошаемымъ Аргунью. Сначала мы удалялись не болѣе двухъ или трехъ верстъ отъ нашей казармы, но постепенно пріобрѣтая все болѣе и болѣе смѣлости, мы, наконецъ, доходили до самой Аргуни, которая была отъ насъ на разстояніи девяти верстъ. Богатая флора этого края обратила на себя общее наше вниманіе и возбудила удивленіе къ красотамъ сибирской природы, такъ щедро разсыпаннымъ и такъ мало еще извѣстнымъ въ то время. Два брата Борисовыхъ, любители естественныхъ наукъ, наиболѣе занимались какъ собираніемъ цвѣтовъ, такъ и зоологическими изысканіями; они набрали множество букашекъ разныхъ породъ, красоты необыкновенной, хранили и берегли ихъ и впослѣдствіи составили довольно порядочную коллекцію насѣкомыхъ, которая была предметомъ любопытства любителей естественныхъ наукъ. Вскорѣ, однакожъ, произошла перемѣна въ работѣ, намъ назначенной; но эта перемѣна, вмѣсто облегченія, увеличила бремя тягости, на насъ лежавшей. Пріѣхалъ чиновникъ изъ Иркутска, узналъ лично отъ каждаго изъ насъ, не разстроено ли

наше здоровье работою подъ землею и не предпочтемъ ли мы работу на чистомъ воздухѣ? Мы единогласно утверждали, что работа подъ землею намъ вовсе не тягостна и что мы ее предпочитаемъ работѣ на чистомъ воздухѣ, потому что въ послѣдней мы были бы подвержены всѣмъ перемѣнамъ въ воздухѣ, т.-е. дождю и проч. и что здоровье наше ничѣмъ не пострадало отъ подземнаго воздуха. Наши представленія не были уважены и на другой же день мы были высланы на новую работу, намъ назначенную; часть причинъ, по которой мы предпочитали подземную работу, нами не могла быть высказана; но мы понимали, что тягость, на насъ лежавшая, увеличится. Въ подземной работѣ намъ не было назначено урочнаго труда; мы работали сколько хотѣли и отдыхали также; сверхъ того, работа оканчивалась въ одиннадцать часовъ дня; въ остальное время мы пользовались полной свободой. Но какъ объяснить и то сочувствіе, которое мы находили подъ землею въ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые не вдали отъ насъ заняты были одинаковою съ нами работою, но коихъ труды были втрое тягостнѣе? Они были въ ножныхъ цѣпяхъ и на нихъ лежали всѣ тягости подземнаго рудокопства. Они проводили шахты въ мѣстахъ новыхъ розысковъ, устраивали галлереи, которыя должны были поддерживаться столбами и соединенными арками; какъ люди способные, они употреблялись и въ плотничную работу, и хорошо, и плотно устраивали подземные ходы; они же выкачивали воду, которая накапливалась отъ времени до времени въ мѣстахъ, назначенныхъ для розысковъ; они же относили руду, ими и нами добытую, къ колодцу, откуда она подымалась вверхъ и относилась въ назначенное мѣсто. Встрѣчаясь съ нами, эти люди, закаленные, повидимому, въ преступленіяхъ, показывали намъ нѣмое, но весьма явственное сочувствіе. Не разъ случалось, когда я выходилъ изъ-подъ земли на чистый воздухъ, подышать имъ на нѣкоторое время, едва завидитъ меня одинъ изъ нихъ,

Орловъ,—знаменитый разбойникъ, красивый, плотный, плечистый, который силою былъ истинный богатырь,—какъ дастъ знать своимъ товарищамъ и тутъ же начнетъ онъ своимъ звучнымъ, серебристымъ голосомъ заунывную русскую пѣсню, которая чѣмъ-то роднымъ, близкимъ отзывалась сердцу знакомыми звуками. Не случайно запѣвалъ онъ пѣсню, нѣтъ; ею высказывалъ то, чего не могъ выговорить словомъ. Не со мною однимъ, но и съ товарищами многіе изъ нихъ дѣлали то же, и не разъ въ порывѣ усердія брали наши молоты и въ десять минутъ оканчивали работу, которую мы и въ часъ не могли бы исполнить. Все это дѣлалось безъ надежды возмездія. За нами надзирали, а мы могли только въ короткихъ словахъ выразить, что мы ихъ понимаемъ и оцѣняемъ ихъ усердіе. Но конецъ подземной работѣ былъ положенъ, и мы вышли на новый трудъ, намъ назначенный. Работа была урочная; рудоразборщики, обыкновенно подростки горныхъ служителей, разбивали руду и отдѣляли годную къ плавкѣ отъ негодной; мы не могли заняться этимъ трудомъ, который требовалъ большого навыка въ умѣніи различать и сортировать руду по ея большей или меньшей годности. Итакъ, намъ дали, каждой парѣ, по носилкамъ и урочная наша работа состояла въ томъ, что мы должны были перенести 30 носилокъ, по пяти пудовъ въ каждой, съ мѣста рудоразбора въ другое, общее складочное мѣсто. Переходъ былъ шаговъ въ двѣсти. Началась работа; не всѣ могли исполнять урокъ, тѣ, которые были посильнѣе, замѣняли товарищей и, такимъ образомъ, урокъ исполнялся: въ одиннадцать часовъ звонокъ возвѣщалъ конецъ трудамъ, но въ часъ, другой звонокъ вновь призывалъ на тотъ же трудъ, который оканчивался въ пять или шесть часовъ вечера. Такимъ образомъ, по новому распоряженію, и время труда, и тягость его увеличена почти вдвое; наши прогулки къ Арстуни менѣе были заманчивы; мы рады были отдыху въ тѣ дни, когда позволено было отдыхать. Но при всемъ томъ наше положеніе было

довольно сносное и тягость работы замѣнялась свободою, которою мы пользовались внутри нашей казармы, и утѣшеніями отъ нашихъ попечительницъ, которыя не разъ были свидѣтельницами нашихъ трудовъ и дружеской бесѣдой облегчали ихъ тяжесть. Но скоро и это положеніе должно было измѣниться. Не помню, въ іюлѣ, или въ началѣ августа насъ извѣстили, что вновь назначенный комендантъ Лепарскій пріѣхалъ на Нерчинскіе заводы и на другой день будетъ насъ осматривать. Многіе изъ товарищей лично были съ нимъ знакомы; командуя Сѣверскимъ конно-егерскимъ полкомъ, онъ былъ извѣстенъ какъ кроткій, снисходительный начальникъ, и, вообще, былъ любимъ и сослуживцами и подчиненными. Мы съ удовольствіемъ ожидали его прибытія. Дѣйствительно, на другой день онъ прибылъ къ намъ, въ сопровожденіи г. Бурнашова, былъ ласковъ и учтивъ со всѣми и, разставаясь съ нами, оставилъ намъ надежду на улучшеніе нашего положенія. Ожиданія не сбылись: въ тотъ же день насъ повели въ ближайшую кузницу и тамъ заковали насъ въ ножныя цѣпи. Въ то же время отрядили къ намъ особый военный караулъ изъ двѣнадцати казаковъ при унтеръ-офицерѣ, и новый порядокъ устроился въ надзорѣ за нами. Горный чиновникъ и горный начальникъ боялись оказать намъ снисхожденіе, о которомъ могли довести до свѣдѣнія коменданта; казаки, бывшіе при насъ, боялись такого же доноса отъ горнаго начальства. Такимъ образомъ, обѣ власти, наблюдая одна за другою, были въ равныхъ отношеніяхъ къ намъ. Впрочемъ, выборъ казаковъ былъ такъ хорошо сдѣланъ, что мы не могли довольно налюбоваться этимъ молодымъ, славнымъ поколѣніемъ. Всѣ они были люди грамотные, большая часть кончили курсъ уѣзднаго училища и удивляли насъ и разнородными познаніями и развитіемъ умственнымъ, которое трудно было ожидать въ такомъ дальнемъ краю, о коемъ весьма рѣдко носились слухи, и то какъ о мѣстѣ дикомъ, гдѣ и люди, и природа находились въ

Княгиня
Марія Николаевна Волконская
съ сыномъ Николаемъ (1826 г.).

первоначальной своей грубости. Здѣсь мы увидѣли совершенно противное. Наши казаки скоро полюбили насъ и ихъ жажда знанія, которое они хотѣли почерпнуть изъ бесѣды съ нами, насъ радовала и удивляла. Нѣкоторые изъ нихъ достигли впослѣдствіи офицерскихъ чиновъ и, вообще, отличались добрымъ поведеніемъ. Впрочемъ, кромѣ тяжести нашихъ цѣпей, все осталось въ прежнемъ порядкѣ; работы были тѣ же; но прогулка въ свободные дни прекратилась и трудно было бы имѣть желаніе прогулки при ножныхъ нашихъ украшеніяхъ. Незамѣтно проходили, такимъ образомъ, дни и недѣли. Наши хранительницы не переставали насъ утѣшать и бесѣдами, и постояннымъ вниманіемъ, и тою чистою дружбою, которая на все, къ чему коснется, налагаетъ свою печать и освящаетъ все. Въ теченіе этого времени новый острогъ, который былъ построенъ въ Читѣ, наполнялся товарищами, которые привозимы были туда изъ разныхъ крѣпостей, въ коихъ они временно содержались. Скоро и до насъ дошла очередь присоединиться къ нимъ. Не помню, въ октябрѣ или ноябрѣ, вновь сѣли мы въ приготовленныя повозки. Наши казаки сопровождали насъ и вновь помчали насъ по прежнему Нерчинскому тракту. Скоро и Читинскій острогъ показался вдали: все ближе и ближе разсматривали наше будущее помѣщеніе. Высокій тынъ окружалъ его; мы остановились у воротъ; насъ принялъ плацъ-маіоръ, Осипъ Адамовичъ Лепарскій, часовые дали свободный путь, мы бросились въ объятія друзей: Пущинъ, Нарышкинъ, Фонъ-Визинъ—были тутъ. Насъ распредѣлили по четыремъ камерамъ, въ которыхъ помѣщались прочіе товарищи; шумъ отъ цѣпей заглушалъ всякую рѣчь: наконецъ, свыклись мы и съ этимъ шумомъ...

Разспросамъ, бесѣдамъ не было конца въ первые дни нашего прибытія. Постепенное сближеніе по одинакому направленію мыслей и чувствъ тѣснѣе сблизило нѣкоторыхъ. Общее чувство расположенія ко всѣмъ не измѣнилось, но оттѣнки этого чувства въ лич-

ныхъ сношеніяхъ, невольно сближая однихъ, тѣснѣе связывали ихъ между собою. Эти отношенія сохранились и впослѣдствіи и неизмѣнно сохраняются и нынѣ тѣми, у коихъ не изглаживается дружба, основанная на полномъ обоюдномъ довѣріи, на духѣ, руководящимъ тѣми, поступки коихъ составляютъ только отраженіе того вѣчнаго источника любви, коимъ они одарены щедрою рукою Того, кто есть Высшая и Совершеннѣйшая Любовь.

Заключаю мой разсказъ полнымъ благодарнымъ воспоминаніемъ тринадцати лѣтъ, проведенныхъ мною въ тѣсномъ пространствѣ, съ товарищами заключенія,— сначала въ Читинскомъ острогѣ, потомъ на Петровскомъ заводѣ.

Политическій характеръ «Союза Благоденствія» пріялъ конецъ; но нравственная печать, имъ положенная на каждаго изъ членовъ его, сохранилась неизмѣнно и утвердила основаніе того взаимнаго уваженія, того нравственнаго чувства, коимъ всѣ одушевлялись во взаимныхъ и близкихъ отношеніяхъ между собою.

Взаимное уваженіе было основано не на свѣтскихъ приличіяхъ и не на привычкѣ, пріобрѣтенной свѣтскимъ образованіемъ, но на стремленіи каждаго ко всему, что носитъ печать истины и правды. Юноши, бывшіе тутъ, возмужали подъ вліяніемъ этого общаго нравственнаго направленія и сохранили впослѣдствіи тотъ же самый неизмѣнный характеръ. Разсѣянные по всѣмъ краямъ Сибири, каждый сохранилъ свое личное достоинство и пріобрѣлъ уваженіе тѣхъ, съ коими онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Не могу иначе окончить этихъ строкъ, какъ благодарственною молитвою Единому Промыслителю о насъ, Единому доброму Сѣятелю всѣхъ добрыхъ сѣмянъ, Единому виновнику всякаго добра. Ему, Единому, да будутъ слава и благодареніе!

Евгеній Оболенскій.

7-го мая 1856 г.
г. Ялуторовскъ.

Проводы княгини Волконской.

Вечеръ у княгини Зинаиды Волконской.

27-го декабря 1826 г.

Вчера провелъ я вечеръ, незабвенный для меня. Я видѣлъ во второй разъ и еще болѣе узналъ несчастную княгиню Марію Волконскую, коей мужъ сосланъ въ Сибирь и которая 6-го января сама отправляется въ путь, вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ Муравьевой. Она не хороша собой, но глаза ея чрезвычайно много выражаютъ. Третьяго дня ей минуло двадцать лѣтъ; но такъ рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вмѣстѣ могучая женщина — больше своего несчастія. Она его преодолѣла, выплакала; источникъ слезъ уже изсохъ въ ней. Она уже увѣрилась въ своей судьбѣ и, рѣшившись всегда носить ужасное бремя горести на сердцѣ, повидимому, успокоилась. Въ ней угадываешь, чувствуешь ея несчастіе, ибо она даже перестала и бороться съ нимъ. Она хранитъ его въ себѣ, какъ залогъ грядущаго. Помнитъ, что она мать, и рѣшилась спасти дочь свою, жертвуя сама собою. Прискорбно на нее смотрѣть и вмѣстѣ завидно. Есть блаженство и въ самомъ несчастіи! Она видитъ въ себѣ божество, ангела-хранителя и утѣшителя двухъ существъ, для которыхъ она теперь уже одна осталась, и все въ мірѣ! Для нихъ она, какъ Христосъ для людей, обрекла себя на жертву—славная жертва! Утѣшительная мысль для меня! Она теперь будетъ жить въ мірѣ, созданномъ ею собою. Во вдохновеніи своемъ она сама избрала свою судьбу и безъ страха глядитъ въ будущее.

Она чрезвычайно любитъ музыку. Музыка одна только и можетъ согласоваться съ ея чувствами въ теперешнемъ ея положеніи. Когда въ часъ роковой всѣ надежды наши утрачены, когда коварная судьба поймала насъ въ ужасныя свои ковы и прошедшее и настоящее блаженство однимъ ударомъ пресѣчены, когда воспоминаніе о немъ становится источникомъ слезъ объ его утратѣ: ибо легче сносить несчастія отъ рожденія, нежели въ лѣта зрѣлыя, когда мы уже постигаемъ свою участь, вполнѣ сознаемъ ее и самихъ себя, быть лишеннымъ земного рая и съ верху блаженства быть ввергнуту въ бездну гибели, когда всѣ свѣтлыя, радужныя картины стерты для насъ въ будущемъ, и взоръ нашъ угадываетъ въ немъ одну только мрачную, безпредѣльную, однообразную пустыню, — тогда можетъ ли нашъ умъ заниматься изъясненіемъ себѣ понятія, можетъ ли фантазія представлять опредѣленные образы? Одно глубокое чувство меланхоліи овладѣваетъ всѣмъ нашимъ существомъ. Оно неизъяснимо, оно таится отъ всѣхъ и тайно для насъ самихъ, но мы не хотимъ, чтобы оно въ насъ спало. Мы стараемся удерживать его, находимъ нѣкоторыя утѣшенія въ томъ, чтобы его возбуждать. Это въ природѣ нашей. И что же согласнѣе музыки можетъ раздаваться въ душѣ нашей, тогда какъ всѣ струны нашего сердца разстроганы симъ чувствомъ и сливаются въ одинъ вѣчный звукъ печали?

Она, въ продолженіе цѣлаго вечера, все слушала, какъ пѣли, и когда одинъ отрывокъ былъ отпѣтъ, то она просила другого. До двѣнадцати часовъ ночи она не входила въ гостиную, потому что у к. З. (княгини Зинаиды Александровны Волконской) много было гостей, но сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда къ ней безпрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывокъ изъ «Agnes» del Maestro Paër былъ пресѣченъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дочь умоляетъ еще несчастнѣйшаго родителя о прощеніи своемъ. Невольное сближеніе злосчастія Агнесы или отца ея съ настоящимъ положеніемъ невидимо присутствующей родственницы своей

отняло голосъ и силу у К. З., а бѣдная сестра ея по сердцу принуждена была выйти, ибо залилась слезами и не хотѣла, чтобы это примѣтили въ другой комнатѣ: ибо въ такомъ случаѣ всѣ бы ее окружили, а она страшится, чуждается свѣта, и это понятно. Остатокъ вечера былъ печаленъ. Легкомысленнымъ, безъ сомнѣнія, показался онъ скучнымъ, какъ ни старались прерывать глубокое, мрачное молчаніе нѣкоторыми шутливыми дуэтами. Но человѣкъ съ чувствомъ, который хоть изрѣдка уже привыкъ обращаться на самого себя и относить къ себѣ все, что его ни окружаетъ, необходимо долженъ былъ думать, много думать. Я желалъ въ то время, чтобы всѣ добрые стали счастливцами, а собственное впечатлѣніе сего вечера старался я увѣковѣчить въ себѣ самомъ. Но подобныя движенія души и безъ того не пропадутъ. Когда всѣ разъѣхались и осталось только очень мало самыхъ близкихъ и вхожихъ къ К. З., она вошла сперва въ гостиную, сѣла въ уголъ, все слушала музыку, которая для нея не переставала, восхищалась ею, потомъ робко приблизилась къ клавикордамъ, смѣла уже глядѣть на тѣхъ, которые возлѣ нихъ стояли, сѣла на диванъ, говорила тихимъ голосомъ очень мало, изрѣдка улыбалась; иногда облако воспоминаній и ожиданій затмевало ея глаза, но она обѣими руками закрывала тогда свое лицо и старалась побѣдить свое чувство. Она всѣхъ просила ей спѣть что-нибудь, простодушно увѣряя, что память этого участія, которое принимаютъ въ ея положеніи, облегчитъ ей трудный путь въ Сибирь. И до меня очередь дошла. Я пѣть не умѣю, но отказать ей не смѣлъ и кой-какъ проворчалъ ей дуэтъ изъ «Дон-Жуана». Одному пѣть у меня тогда бы голоса недостало. Она меня благодарила, какъ и всѣхъ; видно, что это не изъ приличія, потому что она не тратила много словъ, но каждое слово было похоже на нее самое, согласовалось съ выраженіемъ ея лица. Для нея велѣла К. З. изготовить ужинъ: ибо становилось уже очень поздно и примѣтно было, что она устала, хотя она сама въ этомъ не сознавалась. Во время ужина она не плакала, не рыдала, но старалась насъ всѣхъ развлечь отъ себя, говоря вообще

Путь къ ссыльно-каторжному.

(изъ записокъ кн. м. н. волконской).

Я покидала Москву, скрѣпя сердце, но не падая духомъ; со мной были только человѣкъ и горничная, которая «по паспорту ходила» и оказалась очень ненадежной. Я ѣхала день и ночь, не останавливаясь и не обѣдая нигдѣ; я просто пила чай тамъ, гдѣ находила поставленный самоваръ; мнѣ подавали въ кибитку кусокъ хлѣба, или что попало, или же стаканъ молока, и этимъ все ограничивалось. Однажды въ лѣсу я обогнала цѣпь каторжниковъ; они шли по поясъ въ снѣгу, такъ какъ зимній путь еще не былъ проложенъ; они производили отталкивающее впечатлѣніе грязью и нищетой. Я себя спрашивала: «Неужели Сергѣй такой же истощенный, обросшій бородой и съ нечесанными волосами?»

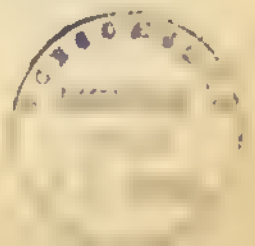
Я пріѣхала въ Казань вечеромъ; былъ канунъ Новаго года; меня высадили, не знаю почему, въ гостиницѣ; дворянское собраніе было на томъ же дворѣ, залы его были ярко освѣщены, и я видѣла входящія на балъ маски. Я говорила себѣ: «Какая разница! Здѣсь собираются танцовать, веселиться, а я, я ѣду въ пропасть: для меня все кончено, нѣтъ больше ни пѣсенъ, ни танцевъ». Это ребячество было простительно въ моемъ возрастѣ: мнѣ только что минуло 21 годъ. Мои мысли были прерваны появленіемъ чиновника военнаго губернатора; онъ меня предупреждалъ, что я лучше сдѣлаю, если вернусь обратно, такъ какъ княгиня Трубецкая, которая пріѣхала раньше меня, должна была остано-

Княгиня Волконская [illegible]

[illegible] А. Зе[illegible] (1828 г.)

виться въ Иркутскѣ (ее не пустили дальше), а вещи ея подвергли обыску. Я ему отвѣтила, что всѣ предосторожности мною приняты, и что меня пропустятъ, такъ какъ у меня есть на это разрѣшеніе Государя Императора. Это мнѣ напоминаетъ, какъ сестра Орлова, чтобы помѣшать мнѣ ѣхать, говорила: «Что ты дѣлаешь? Твой мужъ, можетъ быть, запилъ, опустился!» «Тѣмъ болѣе мнѣ надо ѣхать», отвѣчала я. Я продолжала путь; погода была ужасная; хозяинъ гостиницы мнѣ сказалъ, что было бы осторожнѣе обождать, потому что будетъ метель.

Я подумала, что не съ тѣмъ еще мнѣ придется бороться въ Сибири, велѣла опустить рогожу съ верха кибитки и поѣхала. Но я не знала степныхъ метелей: снѣгъ скоплялся на полости кибитки, между нами и ямщикомъ образовалась цѣлая снѣжная гора. Я заставила прозвонить свои часы, они пробили полночь—*мой Новый годъ, моя встрѣча Новаго года!* Я повернулась къ своей горничной, чтобы пожелать ей хорошаго года, не имѣя никого другого, кого поздравить; но она была такъ не въ духѣ, я нашла ея выраженіе лица такимъ отталкивающимъ, что обратилась къ ямщику: «Съ Новымъ годомъ тебя поздравляю!» И моя мысль перенеслась къ моимъ родителямъ, къ моей молодости, моему дѣтству. Какъ этотъ день всегда у насъ праздновался, сколько радостей, сколько удовольствій! А мой бѣдный Сергѣй, что съ нимъ? Тяжелая дѣйствительность представлялась мнѣ во всей своей силѣ; я продолжала думать только о мужѣ. Лошади стали; ямщикъ мнѣ объявилъ, что мы сбились съ дороги, и что надо выйти и искать убѣжища. Къ счастью, неподалеку оказалось зимовье дровосѣка, мы вошли въ него; я велѣла затопить печь, заварила чай для людей и дождалась утра, чтобы продолжать путь. Такъ ѣхала я въ продолженіе 15 дней, то пѣла, то говорила стихи, не встрѣтивъ на пути ничего примѣчательнаго; я не видѣла мѣстности, черезъ которую проѣзжала: холодъ стоялъ сильный, и кибитка



была закрыта. Однажды вечеромъ слуга сказалъ, что мы подъѣзжаемъ къ станціи: я приказала поднять рогожу и увидѣла большіе костры, разложенные среди деревни; ихъ поддерживали, чтобъ дать возможность толпѣ народа обогрѣться; женщины, дѣти, солдаты, крестьяне—всѣ стояли вокругъ огня. Я спросила: «что это?»—«Это серебрянка изъ Нерчинска». Я въ восторгѣ: получу извѣстіе о мужѣ. Иду на почтовую станцію и, для вида, спрашиваю себѣ чаю. Входитъ офицеръ, провожающій серебрянку; онъ не снимаетъ фуражки и продолжаетъ курить, выпуская клубы дыма отъ отвратительнаго табака; засаленный кисетъ съ табакомъ висѣлъ у него на пуговицѣ сюртука. Несмотря на его грубый видъ, я у него спрашиваю, гдѣ находятся государственные преступники? Онъ взглянулъ на меня въ упоръ и сказалъ, повернувшись спиной и уходя: «я ихъ не знаю и знать не хочу». Тогда одинъ изъ его солдатъ, стыдясь за своего начальника, подходитъ ко мнѣ и говоритъ въ полъ-голоса: «Я ихъ видѣлъ, они здоровы, они въ Нерчинскомъ округѣ, въ Благодатномъ рудникѣ». Этотъ добрякъ показалъ себя болѣе человѣческимъ и вѣжливымъ, чѣмъ его начальникъ.

Иркутскъ.

Пріѣхавъ въ Иркутскъ, главный городъ Восточной Сибири, я нашла его красивымъ, мѣстность чрезвычайно живописною, рѣку великолѣпною, хотя она и была покрыта льдомъ. Я пошла прежде всего въ первую церковь, которая мнѣ встрѣтилась, чтобы отслужить благодарственный молебенъ; служившій священникъ оказался впослѣдствіи настоятелемъ въ нашей тюрьмѣ.— Моему удивленію и восторгу не было предѣла, когда я увидѣла клавикорды, которые моя милая Зинаида Волконская велѣла привязать сзади моей кибитки, тихонько отъ меня. Это вниманіе было мнѣ тѣмъ болѣе цѣнно, что въ то время во всемъ Иркутскѣ имѣлось лишь одно фортепіано, которое принадлежало губерна-

тору. Я сѣла играть и пѣть и не чувствовала себя уже такой одинокой. Занимаемая мною квартира была именно та, изъ которой Каташа [1]) выѣхала въ тотъ самый день въ Забайкалье. Гражданскій губернаторъ Цейдлеръ, старый нѣмецъ, тотчасъ же пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы наставить меня и уговорить возвратиться въ Россію. Это ему было приказано. Его Величество не одобрялъ слѣдованіе молодыхъ женъ за мужьями: этимъ возбуждалось слишкомъ много участія къ бѣднымъ сосланнымъ. Такъ какъ послѣднимъ было запрещено писать родственникамъ, то надѣялись, что этихъ несчастныхъ скоро забудутъ въ Россіи, между тѣмъ какъ намъ, женамъ, невозможно было запретить писать и тѣмъ самымъ поддерживать родственныя отношенія.

Губернаторъ, видя мою рѣшимость ѣхать, сказалъ мнѣ: «Подумайте же, какія условія вы должны будете подписать?»—«я ихъ подпишу, не читая».—«Я долженъ велѣтъ обыскать всѣ ваши вещи, вамъ запрещено имѣть малѣйшія цѣнности». Съ этими словами онъ ушелъ и прислалъ ко мнѣ цѣлую ватагу чиновниковъ. Имъ пришлось переписывать очень мало: немного бѣлья, три платья, семейные портреты и дорожную аптечку; затѣмъ они открыли ящики съ посылками. Я имъ сказала, что все это предназначается для моего мужа; тогда мнѣ предъявили къ подписи пресловутую подписку, при чемъ они мнѣ сказали, чтобы я сохранила съ нея копію, дабы хорошенько ее запомнить. Когда они вышли, мой человѣкъ, прочитавшій ее, сказалъ мнѣ со слезами на глазахъ: «Княгиня, что вы сдѣлали, прочтите же, что они отъ васъ требуютъ!»—«Мнѣ все равно, уложимся скорѣе и поѣдемъ». Вотъ эта подписка:

I.

«Жена, слѣдуя за своимъ мужемъ и продолжая съ нимъ супружескую связь, сдѣлается естественно причастной

[1]) Кн. Трубецкая.

его судьбѣ и потеряетъ прежнее званіе, то-есть будетъ признаваема не иначе, какъ женою ссыльно-каторжнаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя переносить все, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, ибо даже *и начальство не въ состояніи будетъ защищать ее* отъ ежечасныхъ, могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго, презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену государственнаго преступника, несущую равную съ нимъ участь, себѣ подобною; оскорбленія сіи могутъ быть даже насильственныя. Закоренѣлымъ злодѣямъ не страшны наказанія.

2.

Дѣти, которыя приживутся въ Сибири, поступятъ въ наемные заводскіе крестьяне.

3.

Ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ съ собой взять не дозволено; это запрещается существующими правилами и нужно для собственной ихъ безопасности по причинѣ, что сіи мѣста населены людьми, готовыми на всякаго рода преступленія.

4.

Отъѣздомъ въ Нерчинскій край уничтожается право на крѣпостныхъ людей, съ ними прибывшихъ.

Приведя въ порядокъ вещи, разбросанныя чиновниками, и приказавъ вновь все уложить, я вспомнила, что мнѣ нужна подорожная. Губернаторъ, послѣ данной мною подписки, не удостаивалъ меня своимъ посѣщеніемъ, приходилось мнѣ ожидать въ его передней. Я пошла къ нему, и мнѣ выдали подорожную на имя казака, который долженъ былъ сопровождать, мое же имя замѣнялось словами: «*съ будущими*».

По возвращеніи домой я нашла у себя Александру

Муравьеву (рожденную Чернышеву); она только что пріѣхала; выѣхавъ нѣсколькими часами раньше ея, я опередила ее на восемь дней. Мы напились чаю, то смѣясь, то плача; былъ поводъ къ тому и другому: насъ окружали тѣ же вызывавшіе смѣхъ чиновники, вернувшіеся для осмотра ея вещей. Я отправилась дальше настоящимъ курьеромъ; я гордилась тѣмъ, что доѣхала до Иркутска лишь въ 20 сутокъ.

Я переѣхала Байкалъ ночью при жесточайшемъ морозѣ: слеза замерзала въ глазу, дыханіе, казалось, леденѣло. Въ Верхнеудинскѣ, небольшомъ уѣздномъ городѣ, я не нашла снѣга; почва тамъ такая песчаная, что вбираетъ въ себя весь снѣгъ; то же самое происходитъ и въ Кяхтѣ, нашемъ пограничномъ городѣ,—холодъ тамъ ужасный, но нѣтъ саннаго пути. Я остановилась у полковника Александра Муравьева, сосланнаго, но безъ разжалованія; его жена и невѣстки меня приняли съ распростертыми объятіями; было уже поздно, и онѣ заставили меня провести у нихъ ночь; на другой день я взяла двѣ перекладныя, велѣла уложить въ нихъ вещи, оставила кибитки и отправилась далѣе.

Мысль ѣхать на перекладныхъ меня очень забавляла, но моя радость прошла, когда я почувствовала, что меня трясетъ до боли въ груди; я приказывала останавливаться, чтобы передохнуть свободно. Это удовольствіе я испытывала на протяженіи 600 верстъ, при всемъ этомъ я голодала: меня не предупредили, что я ничего не найду на станціяхъ, а онѣ содержались бурятами, питавшимися только сырой, сушеной или соленой говядиной и кирпичнымъ чаемъ съ топленымъ жиромъ. Наконецъ, я пріѣхала въ Бянкино къ мѣстному богатому купцу, который былъ очень внимателенъ ко мнѣ; онъ приготовилъ мнѣ цѣлый пиръ и оказывалъ мнѣ величайшее почтеніе. Меня одолѣвалъ сонъ, я едва ему отвѣчала и заснула на диванѣ. На другой день я пріѣхала въ Большой Нерчинскій заводъ—мѣстопребываніе начальника рудниковъ. Здѣсь я догнала Каташу, уѣхав-

шую восемью днями ранѣе. Свиданіе было для насъ большой радостью; я была счастлива имѣть подругу, съ которой могла мѣняться мыслями; мы другъ друга поддерживали, до сихъ же поръ моимъ исключительнымъ обществомъ была моя отталкивающая отъ себя горничная. Я узнала, что мой мужъ находится въ 12-ти верстахъ, въ Благодатскомъ рудникѣ. Каташа, выдавъ вторую подписку, отправилась впередъ, чтобъ извѣстить Сергѣя о моемъ пріѣздѣ. По выполненіи различныхъ несносныхъ формальностей, Бурнашевъ, начальникъ рудниковъ, далъ мнѣ подписать бумагу, по которой я соглашалась видѣться съ мужемъ только два раза въ недѣлю въ присутствіи офицера и унтеръ-офицера, никогда не приносить ему ни вина, ни пива, никогда не выходить изъ деревни безъ разрѣшенія завѣдующаго тюрьмою,—и еще какія-то другія условія. И это послѣ того, какъ я покинула своихъ родителей, своего ребенка, свою родину, послѣ того, какъ проѣхала шесть тысячъ верстъ и дала подписку, по которой отказывалась отъ всего и даже отъ защиты закона,—мнѣ заявляютъ, что я и на защиту своего мужа не могу болѣе разсчитывать. Итакъ, государственные преступники должны подчиняться всѣмъ строгостямъ закона, какъ простые каторжники, но не имѣютъ права на семейную жизнь, даруемую величайшимъ преступникамъ и злодѣямъ. Я видала, какъ послѣдніе возвращались къ себѣ по окончаніи работъ, занимались собственными дѣлами, выходили изъ тюрьмы. Лишь послѣ вторичнаго преступленія на нихъ надѣвали кандалы и заключали въ тюрьму, тогда какъ наши мужья были заключены и въ кандалахъ со дня своего пріѣзда. Бурнашевъ, пораженный моимъ оцѣпенѣніемъ, предложилъ мнѣ ѣхать въ Благодатскъ на другой же день, рано утромъ, что я и сдѣлала; онъ слѣдовалъ за мною въ своихъ саняхъ.

На каторгѣ.

Отправленные изъ Иркутска восемь человѣкъ прибыли въ Нерчинскіе заводы и 25-го октября 1826 года были помѣщены въ Благодатскомъ рудникѣ, въ 12 верстахъ отъ главнаго Нерчинскаго завода. Управляющій горною конторою и всѣми рудниками, маркшейдеръ Черниговцевъ, доноситъ объ этомъ начальнику Нерчинскихъ заводовъ 26 октября, прибавляя, что «всѣ означенные восемь человѣкъ размѣщены по принадлежности на Благодатскомъ рудникѣ, что всѣ они ремесла никакого за собой не имѣютъ, кромѣ Россійскаго языка и прочихъ наукъ, входящихъ въ курсъ Благороднаго воспитанія; нѣкоторые знаютъ иностранные языки, на каковыхъ написаны ими самими за подпискою прописи, которая съ засвидѣтельствомъ моимъ при семъ также представляется». При этомъ Черниговцевъ представляетъ перепись вещамъ каждаго изъ нихъ, въ которыхъ находятся, между прочимъ, у каждаго образъ, Евангеліе и «грудные» кресты, бѣлье, платье, въ ограниченномъ количествѣ, нагольные тулупы, у нѣкоторыхъ чугунныя распятія; изъ книгъ: календари и пр. Часть вещей при нихъ оставлена, другая, въ томъ числѣ деньги, въ ничтожномъ количествѣ, отобраны на храненіе. Относительно ихъ содержанія и употребленія въ работы, сдѣлано губернаторомъ Цейдлеромъ, 27 августа 1826 года, на основаніи Высочайшаго повелѣнія,

---

[1]) Помѣщаемъ здѣсь сводку любопытныхъ подробностей быта «ссыльно-каторжныхъ»; она сдѣлана издателемъ записокъ кн. Волконскаго. *Ред.*

распоряженіе начальнику заводовъ Бурнашеву, «чтобы сіи преступники были употребляемы, какъ слѣдуетъ, въ работу, и поступлено было съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному для каторжныхъ положенію, чтобы былъ назначенъ для неослабнаго за ними смотрѣнія надежный чиновникъ, и чтобы о состояніи ихъ ежемѣсяно доносилось въ собственныя руки Его Величества черезъ главный штабъ». При этомъ губернаторъ Цейдлеръ указываетъ, между прочимъ, чтобы рудникъ былъ для нихъ избранъ въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ и не ближе къ границѣ «Китайской», и чтобы содержаніе ихъ было обезпечено, дабы не допускать ихъ «до свободы, которую каторжные по окончаніи работъ имѣютъ для снисканія себѣ вольными работами средствъ къ содержанію подкрѣпленія».

Закованные въ кандалы, арестанты работали въ подземныхъ шахтахъ, спускаясь въ нихъ въ пять часовъ утра и оставаясь до одиннадцати дня. Норма выработки руды полагается въ три пуда на каждаго. Эта работа, сравнительно облегченная, была установлена въ ноябрѣ 1826 года, по распоряженію генералъ - губернатора Восточной Сибири, сообщенному Т. С. Бурашеву губернаторомъ Цейдлеромъ, который писалъ: «нынѣшній порядокъ объ употребленіи какъ въ работу признаю нужнымъ перемѣнить, и потому распорядиться, чтобы они были употреблены въ работу одну смѣну въ сутки, посылать ихъ безъ изнуренія, и съ обыкновенными льготными днями, но надзоръ за ними усугубить».

Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, взятыя изъ отмѣтокъ, представляемыхъ ближайшими тюремными надзирателями начальнику Нерчинскихъ заводовъ Бурнашеву, при особыхъ рапортахъ. Послѣдніе посылались, по его распоряженію, еженедѣльно, съ приложеніемъ составлявшихся ежедневно «списковъ о поведеніи, занятіяхъ и здоровьѣ государственныхъ преступниковъ», которые ярко рисуютъ жизнь и занятія ихъ за этотъ періодъ времени.

Князь Сергѣй Григорьевичъ
ВОЛКОНСКІЙ.

Съ миніатюры Изабэ 1814 г.

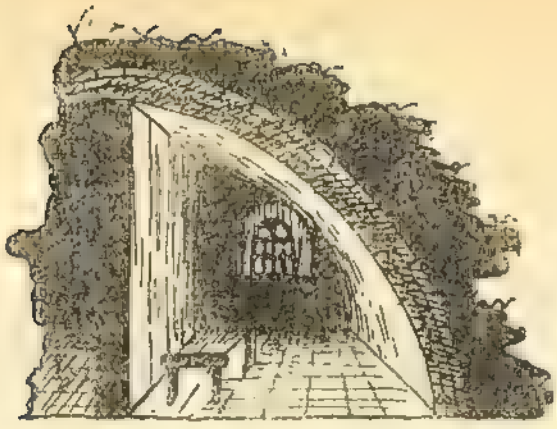
«Вели себя», говорится въ одномъ изъ списковъ, «добропорядочно, при производствѣ работъ были прилежны и ничего противнаго не говорили, къ поставленнымъ надъ ними смотрителямъ были послушны, характеръ показывали скромный, въ квартирахъ своихъ никакихъ въ чемъ-либо ропотныхъ словъ не говорили, кромѣ словъ чувствительныхъ, раскаяніе въ своихъ преступленіяхъ изъявляющихъ». Въ декабрѣ 1826 года: «Сергѣй Трубецкой одержимъ грудною и внутреннею болѣзнью, какъ кажется, чахоткою, одержимъ кровохарканьемъ, чувствуетъ великую слабость въ груди».

16-го февраля 1827 года: «Сергѣй Трубецкой и Сергѣй Волконскій»,—съ пріѣздомъ женъ,—«сдѣлались примѣтно веселыми». 1-го апрѣля 1827 года: «Съ 22-го марта Сергѣй Волконскій былъ нездоровъ простудной горячкой». Мартъ 1827 года: «Сергѣй Трубецкой и Сергѣй Волконскій навыкаютъ къ роду нынѣшней жизни, больше бываютъ спокойны, но Волконскій, по слабому здоровью, чаще задумчивъ». 1-го апрѣля 1827 года, противъ имени Артамона Муравьева: «Съ полученіемъ имъ письма (27-го марта) отъ его жены душевно страдаетъ». 28-го февраля: «Сергѣй Волконскій, для свиданія съ женою, въ работу посылаемъ не былъ». «Сергѣй Трубецкой и Сергѣй Волконскій 14-го числа сего марта для свиданія съ женами, въ работу не посылались». «17-го и 20 числа марта Трубецкой и Волконскій съ женами ихъ имѣли свиданія». «23-го, 26 и 29-го числа марта Трубецкой и Волконскій съ ихъ женами имѣли свиданія». Противъ имени Александра Якубовича: «часто жалуется на боль въ головѣ (отъ раны въ черепѣ, полученной на Кавказѣ) и груди, но въ работу ходитъ безъ ропота, унылъ, иногда бываетъ и веселъ, но съ большимъ принужденіемъ». Въ мартѣ мѣсяцѣ: «Сергѣй Волконскій и другіе работали въ горѣ въ Крещенскомъ провалѣ прилежно и старались быть веселыми, работали съ великимъ терпѣніемъ». О братьяхъ Борисовыхъ повторяются слѣдующіе отзывы: «все-

гда печальны, тихи, молчаливы и съ большимъ терпѣніемъ переносятъ свое состояніе». О Василіи Давыдовѣ частая отмѣтка: «хотя и бываетъ веселъ, но очень рѣдко». Часто попадается слѣдующая отмѣтка, относящаяся ко всѣмъ: «занимаются болѣе чтеніемъ священныхъ книгъ». Тоже въ мартѣ мѣсяцѣ сказано обо всѣхъ вообще: «между собой очень дружны; харчевые припасы и табакъ курительный употребляютъ общій, которые доставляются имъ отъ княгинь Трубецкой и Волконской, и нерѣдко одежныя вещи безъ всякаго въ деньгахъ учета». Всѣ остальныя помѣтки въ этомъ родѣ; нигдѣ нѣтъ другого отзыва.

Относительно здоровья осужденныхъ имѣется, между прочимъ, рапортъ отъ 27-го февраля 1827 года, управляющаго медицинскою частью, лѣкаря Владзирскаго, гдѣ говорится, что «Трубецкой страдаетъ болью горла и кровохарканіемъ. Волконскій слабъ грудью; Давыдовъ слабъ грудью, и у него открываются раны; у Оболенскаго цынготная болѣзнь съ болью зубовъ; Якубовичъ отъ увѣчья страдаетъ головой и слабъ грудью; Борисовъ Петръ здоровъ, Андрей «страдаетъ помѣшательствомъ въ умѣ».

Прибавимъ отъ себя, что это тихое помѣшательство осталось у А. И. Борисова на всю жизнь. Онъ покончилъ самоубійствомъ въ деревнѣ Розводной подъ Иркутскомъ, 3-го сентября 1854 г., при видѣ брата, скончавшагося внезапно отъ разрыва сердца.



Vue de la Caremette № 20

Рапортъ.

Въ Нерчинскую горную контору.

Во исполненіе предписанія конторы отъ сего числа, за № 4064, о выдачѣ денежной платы и провіанта восьми человѣкамъ государственнымъ преступникамъ, при семъ Нерчинской горной конторѣ дистанція представить честь имѣетъ расчетъ по 20-е число сего мѣсяца.

Сентября 19-го дня 1827 года № 948.

Бергъ-гешворенъ *Котлевскій.*

Горный писарь *Мыльниковъ.*

За августъ мѣсяцъ слѣдуетъ государственнымъ преступникамъ жалованья:

Сергѣю Трубецкому	— р.	$63^1/_2$	к.
Сергѣю Волконскому	— »	$65^1/_2$	»
Артамону Муравьеву	- »	76	»
Александру Якубовичу	1 »	09	»
Евгенію Оболенскому	1 »	$89^1/_2$	»
Андрею Борисову 1-му	— »	$95^1/_2$	»
Петру Борисову 2-му	1 »	93	»
Василію Давыдову	— »	$69^1/_2$	»
Итого .	8 р.	$61^1/_2$	к.
За сентябрь	4 »	06	»
Всего .	12 р.	$67^1/_2$	к.

Подписали: *Котлевскій* и *Мыльниковъ.*

Изъ жизни въ Читѣ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. В. БАСАРГИНА.)

Выѣхавъ изъ Петербурга, гдѣ все было погружено во мракѣ, мы прибыли ночью на первую станцію и вышли обогрѣться въ комнату смотрителя. Мнѣ это въ особенности было нужно, потому что легонькій тулупъ мой худо защищалъ меня отъ январскаго мороза. Товарищи мои тоже вышли. Фельдъегерь (онъ оказался мнѣ знакомымъ и бывалъ прежде моимъ подчиненнымъ, когда я былъ старшимъ адъютантомъ, а онъ пріѣзжалъ съ бумагами въ Тульчинъ) обходился съ нами очень вѣжливо, и, дѣйствительно, какъ мы убѣдились впослѣдствіи, былъ очень добрый человѣкъ. Желѣза намъ очень мѣшали и не давали свободно ходить. Мы, по совѣту его, подвязали ихъ и уладили сколько возможно удобнѣе для ходьбы. Тутъ я вспомнилъ о данной мнѣ плацъ-маіоромъ завернутой бумажкѣ. Можно представить себѣ мое удивленіе, когда я нашелъ въ ней вмѣсто оставшихся моихъ денегъ — десять серебряныхъ гривенниковъ. Вотъ все богатство, съ которымъ я отправился, слабый и больной, въ Сибирскіе рудники за шесть слишкомъ тысячъ верстъ отъ своего семейства. Нельзя сказать, чтобъ такое положеніе представляло что-нибудь утѣшительное. Когда мы сѣли отдохнуть около стола, а фельдъегерь вышелъ распорядиться лошадьми, смотритель сдѣлалъ знакъ Фонъ-Визину, и тотъ сейчасъ вышелъ. Его ожидала на этой станціи жена. Они успѣли до возвращенія фельдъ-

егеря (который вѣроятно все зналъ, но не хотѣлъ показать того) видѣться нѣсколько минутъ въ сѣняхъ. Когда онъ вышелъ къ намъ и объявилъ, что лошади готовы, мы стали медленно собираться, чтобы дать время Фонъ-Визинымъ подолѣе пробыть вмѣстѣ. Наконецъ, надобно было отправиться. Я сѣлъ съ Фонъ-Визинымъ въ одну повозку, на что фельдъегерь охотно согласился. Онъ самъ видѣлъ, какъ плохо я былъ одѣтъ для зимняго путешествія. На Фонъ-Визинѣ же была медвѣжья шуба и сверхъ того у него для ногъ было теплое одѣяло. Сидя съ нимъ вмѣстѣ, мнѣ легче было предохранить себя отъ холода.

Дорогой Фонъ-Визинъ разсказалъ мнѣ, что жена его узнала и сообщила ему, что насъ везутъ въ Иркутскъ, и передала 1000 руб., которыхъ достанетъ намъ и на дорогу, и на первое время въ Сибири. Вторая станція была Шлиссельбургъ. Признаюсь, я невольно подумалъ, не сюда ли въ заточеніе насъ везутъ и до тѣхъ поръ не былъ покоенъ, пока не проѣхали поворотъ къ крѣпости. На станціи мы опять вышли изъ повозокъ. Ночь еще продолжалась; фельдъегерь былъ на дворѣ, не помню за чѣмъ-то; я вышелъ въ другую комнату и только что успѣлъ переступить черезъ порогъ, какъ очутился вдругъ въ объятіяхъ трехъ женщинъ, которыя плакали навзрыдъ, осыпали меня вопросами и предлагали свои услуги, деньги, бѣлье, платье и т. д. Я отвѣчалъ имъ, что мнѣ ничего не нужно, что всего у меня достаточно, искренне благодарилъ ихъ за участіе и состраданіе. Это была какая-то помѣщица съ двумя дочерьми, ѣхавшая въ Петербургъ. Мы родственно обнялись и простились. Онѣ же всѣ благословили меня и напутствовали самыми искренними благопожеланіями.

На другой день мы проѣзжали Тихвинъ. Днемъ вездѣ собирался народъ смотрѣть на насъ и оказывалъ самое сострадательное участіе. Въ Тихвинѣ нѣкоторые изъ простого народа и купцовъ предлагали свои услуги и помощь. Фельдъегерь нашъ, какъ добрый человѣкъ,

распоряжался и поступалъ съ нами такъ, чтобы только самому не подвергнуться отвѣтственности за слабый надзоръ, не прибавляя ничего лишняго съ своей стороны. Не помню, котораго числа мы прибыли въ Ярославль и остановились въ гостинницѣ. Пока запрягали новыхъ лошадей, намъ подали чаю, и человѣкъ, вошедшій съ подносомъ, указалъ знакомъ на дверь смежной комнаты. Мы подошли къ ней и узнали, что тамъ находится Надежда Николаевна Шереметева, тёща одного изъ нашихъ товарищей, Якушкина, ожидавшая тутъ съ своею дочерью, а его женою, проѣзда зятя своего. Мы обмѣнялись съ нею нѣсколькими словами, а когда выходили садиться въ повозки, то встрѣтили её вмѣстѣ съ дочерью, державшею на рукахъ грудного ребенка, въ коридорѣ, посреди толпы собравшихся любопытныхъ. Онѣ обняли, благословили насъ и все время не осушали глазъ. Жена Якушкина была тогда 18-ти лѣтняя молодая женщина, замѣчательной красоты. Намъ было тяжко, грустно смотрѣть на это юное, прекрасное созданіе, такъ рано испытывающее бѣдствія этого міра и, можетъ быть, обреченное своею обязанностію, своею привязанностію къ мужу, на вѣчную жизнь въ Сибирскихъ рудникахъ, на разлуку съ обществомъ, родными, дѣтьми, со всѣмъ, что́ такъ дорого юности, образованію и сердцу.

Изъ Ярославля черезъ Кострому, Вятку, Пермь и Екатеринбургъ пріѣхали мы въ Тобольскъ. Ѣхали скоро, но иногда останавливались ночевать. Фельдъегерь, замѣтивъ, что желѣза мѣшали намъ спать, былъ такъ внимателенъ, что позволилъ на ночь снимать ихъ. Жандармы намъ прислуживали. Ему, впрочемъ, какъ онъ самъ говорилъ, приказано было обходиться съ нами вѣжливо и, не выходя изъ границъ данной инструкціи, оказывать всякое снисхожденіе. По пріѣздѣ въ Тобольскъ насъ помѣстили въ домъ полицеймейстера, гдѣ и отдохнули мы сутокъ трое. Тутъ мы разстались съ нашимъ фельдъегеремъ, который отправился въ Иркутскъ одинъ,

а насъ сдалъ губернатору Бантышъ-Каменскому (родственнику Фонъ-Визина).

Не знаю, по этому ли случаю, или просто по человѣколюбію, но только полицеймейстеръ Алексѣевъ такъ принялъ, угощалъ и покоилъ насъ въ продолженіе этихъ трехъ дней, что я счелъ обязанностію моею, по по прошествіи десяти лѣтъ, когда я ѣхалъ изъ-за Байкала на жительство въ Туринскъ и проѣзжалъ Тобольскъ, гдѣ онъ жилъ отставнымъ чиновникомъ, быть у него и поблагодарить его за оказанное намъ тогда человѣколюбивое вниманіе. Отдохнувъ трое сутокъ, мы отправились въ сопровожденіи Тобольскаго частнаго пристава, но съ прежними жандармами, на обывательскихъ лошадяхъ, въ Иркутскъ. Въ Тобольскѣ Фонъ-Визинъ купилъ повозку, и мы избавились отъ хлопотъ перекладываться на каждой станціи, запаслись еще теплымъ одѣяломъ, и, слѣдовательно, я не опасался холода. Движеніе и воздухъ такъ благодѣтельно подѣйствовали на меня, что день отъ дня здоровье мое становилось все лучше, такъ что въ Тобольскѣ я былъ уже совсѣмъ здоровъ и также крѣпко ходилъ и стоялъ на ногахъ, какъ и прежде.

Черезъ три недѣли по отъѣздѣ изъ Тобольска мы прибыли въ Иркутскъ, проѣхавъ города: Тару, Ишимъ, Каинскъ, Колывань, Томскъ, Ачинскъ, Красноярскъ, Конскъ и Нижнеудинскъ. По дорогѣ вездѣ мы встрѣчали неподдѣльное участіе какъ въ народѣ, такъ и въ должностныхъ лицахъ. Въ Каинскѣ, наприм., городничій Степановъ, пожилой мужчина, огромнаго роста и объема, бывшій прежде фельдъегеремъ, пришелъ къ намъ въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, едва тащившихъ огромную корзину съ винами и съѣстными припасами всякаго рода. Онъ заставилъ насъ перемѣнно все это ѣсть и частицу взять съ собой, предлагая намъ даже бывшія съ нимъ деньги, слѣдующими, удивившими насъ словами: «Эти деньги, сказалъ онъ, вынимая большую пачку ассигнацій, я нажилъ съ грѣхомъ пополамъ, не

совсѣмъ чисто, взятками. Въ нашихъ должностяхъ, господа, приходится дѣлать много противъ совѣсти. И не хотѣлось бы, да такъ ужъ заведено изстари. Возьмите эти деньги себѣ: на совѣсти у меня сдѣлается легче. Лучшаго употребленія я не могу изъ нихъ сдѣлать: семейства у меня нѣтъ. Право, избавьте меня отъ нихъ, вы сдѣлаете доброе дѣло». Хотя мы не согласились принять это предложеніе, но тѣмъ не менѣе эта откровенность, это добродушіе грубой, неотесанной рѣзцомъ образованія натуры, насъ очень тронуло, и, прощаясь съ нимъ, мы отъ души и съ признательностію пожали ему руку.

Въ Красноярскѣ губернаторъ, тоже Степановъ, угостилъ насъ съ искреннимъ радушіемъ. Во всѣхъ почти городахъ, гдѣ мы останавливались, чиновники приходили къ намъ; сначала не смѣли къ намъ приступить, заговорить съ нами, но всегда кончали предложеніемъ услугъ и изъявленіемъ участія. На станціяхъ являлись обыкновенно этапные офицеры съ подобными же предложеніями, а простой народъ толпился около повозокъ и хотя, видимо, боялся жандармовъ, но нерѣдко тѣ, которые были посмѣлѣе, подходили къ намъ и бросали намъ въ повозку мѣдныя деньги. Я до сихъ поръ храню, какъ драгоцѣнность, мѣдную денежку, которую я взялъ у нищей старухи. Она вошла къ намъ въ избу и, показывая намъ нѣсколько мелкихъ монетъ, сказала: «Вотъ все, что у меня есть; возьмите, батюшки, отцы наши родные. Вамъ они нужнѣе, чѣмъ мнѣ».—Мы прослезились, и я выбралъ у нея одну самую старую монету, положилъ себѣ въ карманъ и благодарилъ ее отъ самаго искренняго сердца.

Чѣмъ далѣе мы подвигались въ Сибири, тѣмъ болѣе она выигрывала въ глазахъ моихъ. Простой народъ казался мнѣ гораздо свободнѣе, смышленѣе, даже и образованнѣе нашихъ Русскихъ крестьянъ и въ особенности помѣщичьихъ. Онъ болѣе понималъ достоинство человѣка, болѣе дорожилъ правами своими.

Княгиня Трубецкая.

Впослѣдствіи мнѣ не разъ случалось слышать отъ тѣхъ, которые посѣщали Соединенные Штаты и жили тамъ, что Сибиряки имѣютъ много сходства съ Американцами въ своихъ нравахъ, привычкахъ и даже образѣ жизни. Какъ страна ссылки, Сибирь снисходительно принимала всѣхъ безъ разбора. Когда ссыльный вступалъ въ ея границы, его не спрашивали, за что и почему онъ подвергся карѣ законовъ. Никому и дѣла не было, какое онъ сдѣлалъ преступленіе, и слово *несчастный*, которымъ звали Сибиряки сосланныхъ, очень хорошо выражаетъ то понятіе, которое они себѣ составили о нихъ. Отъ него требовалось только, чтобъ на новомъ своемъ мѣстѣ онъ велъ себя хорошо, чтобы трудился прилежно и умѣлъ пользоваться съ умомъ тѣми средствами, которыя представляло ему новое его отечество. Въ такомъ случаѣ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, ожидало его не только довольство, но даже богатство и уваженіе людей, съ которыми ему приходилось жить и имѣть дѣло. Кстати разскажу здѣсь разительный этому примѣръ. Пріѣхавъ на какую-то станцію въ Нижнеудинскомъ округѣ, мы остановились въ лучшей квартирѣ одного большого селенія. Въ двухъ-этажномъ домѣ было нѣсколько чистыхъ комнатъ, убранныхъ хотя не роскошно, но довольно опрятно. Все показывало довольство. Насъ встрѣтилъ крестьянинъ лѣтъ сорока, въ синемъ армякѣ, угостилъ чаемъ и вкуснымъ обѣдомъ, за которымъ было даже виноградное вино. Какъ теперь помню, звали его Ермолай. Противъ оконъ дома строилась церковь. Я какъ-то спросилъ его, гдѣ же старая и какъ строится новая, обществомъ или другими средствами? «Это я строю, батюшка, былъ его отвѣтъ; старая сгорѣла отъ грозы. Насилу добился разрѣшенія на постройку. Намъ, поселенцамъ, вездѣ затрудненіе, даже въ богоугодныхъ дѣлахъ». Узнавъ, что онъ изъ ссыльныхъ, я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, и онъ, замѣтивъ это, продолжалъ: «Вы, можетъ быть, не поскучаете послушать мою исторію,

я охотно ее разсказываю всякому». Мы всѣ попросили его объ этомъ, и онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ началъ разсказъ свой:—«Я былъ крѣпостнымъ человѣкомъ госп. N. N. Баринъ мой былъ единственный сынъ у матушки своей, женщины строгой, но благочестивой. Я служилъ у него камердинеромъ и какъ онъ считался по гвардіи, то мы жили съ нимъ въ Петербургѣ, а матушка въ Орловской деревнѣ своей. Они были очень богаты, и баринъ очень меня любилъ. Житье мнѣ было хорошее, привольное, денегъ всегда въ волю, а въ молодыя лѣта имъ цѣны не знаешь, и мы съ бариномъ таки порядочно тратили на всякую всячину. Вдругъ объявленъ былъ походъ подъ Француза въ Австрію. Гвардія выступила, а съ нею и мой господинъ. Онъ отправилъ меня съ своими лошадьми, коляской и многими вещами, всего будетъ болѣе, чѣмъ тысячъ на пять, къ матери своей, приказавъ все это доставить ей и, взявши отъ нея денегъ, пріѣхать къ нему на Австрійскую границу. Я доѣхалъ до Орла, откуда оставалось только верстъ 200 до нашей деревни. Въ Орлѣ я остановился отдохнуть и для развлеченія пошелъ въ трактиръ. Тамъ немного подгулялъ; меня завели въ какой-то домъ и начисто обыграли въ карты. Коляску, лошадей, вещи я все проигралъ пьяный. Утромъ, когда я проснулся и пришелъ въ себя, побѣжалъ было къ разбойникамъ, но ихъ и слѣдъ простылъ. Въ домѣ сказали мнѣ, что я говорю вздоръ и что я тутъ не былъ даже. Что было дѣлать? Я не зналъ имени тѣхъ, кто игралъ со мной и едва могъ бы признать въ лицо. Однакожъ я объявилъ обо всемъ полицеймейстеру. Тотъ посадилъ меня подъ арестъ и отправилъ къ барынѣ по пересылкѣ, производя между тѣмъ розыски. Барыня сильно прогнѣвалась на меня и сослала на поселеніе. Конечно, если бы въ это время былъ самъ молодой баринъ, то онъ не сдѣлалъ бы такъ, а, отечески наказавъ, простилъ бы меня».— «Вотъ такимъ образомъ, продолжалъ онъ, я попался въ Сибирь. Пришедши съ партіей въ Нижнеудинскъ,

меня назначили въ это селеніе. Тогда у насъ здѣсь былъ исправникъ, дай Богъ ему царствіе небесное, Лоскутовъ. Вы конечно о немъ слышали, и если не слыхали, то услышите. Это былъ человѣкъ рѣдкій, необыкновенный, какихъ мало на свѣтѣ, и какихъ надобно въ Сибири. Строгъ былъ, но зато справедливъ, и не одинъ изъ нашего брата поселенцевъ обязанъ ему всѣмъ своимъ достояніемъ и молить за него Богу. При немъ, бывало, бросьте кошелекъ съ деньгами на большой дорогѣ, никто не тронетъ, или сей же часъ объявитъ. Вотъ и призываетъ Лоскутовъ къ себѣ. «Ты «назначенъ, говоритъ онъ, въ такое-то селеніе, мѣсто «привольное; если не будешь пить, а будешь трудить«ся, то скоро разбогатѣешь. Смотри не лѣнись, работай «прилежно: черезъ шесть мѣсяцевъ я заѣду къ тебѣ, «и если найду, что ты ничего ни пріобрѣлъ, ничѣмъ «не обзавелся, запорю до смерти. Если же увижу, что «ты трудишься хорошо, то не откажусь самъ помогать «тебѣ».—«Батюшка, ваше высокоблагородіе, отвѣчал«я, усердія у меня достанетъ, да и работать я радъ, «но тяжело будетъ подняться, не имѣя ничего; при«дется вѣдь еще долго жить въ работникахъ, пока не «скоплю деньжонокъ».—«За деньгами дѣло не станетъ, «сказалъ онъ. Вотъ тебѣ 100 руб. Распоряжайся ими «съ умомъ; но знай, что я даю тебѣ въ займы и не «только потребую назадъ свои деньги, но и отчета въ «твоемъ хозяйствѣ». Я взялъ деньги не безъ страха и вышелъ отъ него. Ровно черезъ шесть мѣсяцевъ, пріѣхавъ по какому-то дѣлу въ наше селеніе, онъ пошелъ посмотрѣть мое хозяйство, велѣлъ даже принести на показъ крынки съ молокомъ и, оставшись доволенъ, позволилъ мнѣ еще держать данныя имъ мнѣ деньги. Въ продолженіе этихъ шести мѣсяцевъ я женился, обзавелся домикомъ, посѣялъ хлѣбца, завелъ лошадь, двѣ коровы и овецъ. Богъ помогъ мнѣ выручить порядочную сумму отъ охоты за козулями. Я, по примѣру здѣшнихъ старожиловъ, сдѣлалъ въ лѣсу двѣ засады,

и Богу было угодно, чтобы въ засады мои попалось этого звѣря гораздо болѣе, чѣмъ у прочихъ, такъ что я въ первый годъ продалъ мяса и шкуръ рублей на 200. Вотъ какъ я началъ. Правда, трудился я съ женой денно и ночно; но Богъ, видимо, помогалъ моимъ трудамъ. Лоскутовъ бывало на меня не нарадуется, взойдя ко мнѣ. «Ай да Ермолай, молодецъ, люблю такихъ». Лѣтъ черезъ десятокъ я завелъ большую пашню, сталъ держать работниковъ, пускать въ извозъ лошадей, у меня начали останавливаться Кяхтинскіе приказчики съ чаями. Однимъ словомъ, я разбогатѣлъ по крестьянскому быту. Могъ бы и еще больше разбогатѣть, стоило только пуститься въ казенные подряды, меня не только приглашали, а насильно втягивали чиновники; да самъ не захотѣлъ: тутъ не всегда дѣлается на честныхъ правилахъ; надобно давать, а чтобы давать, надобно плутовать, воровать у казны, да и концы умѣть хоронить. Мнѣ этого не хотѣлось; пусть же другіе отъ этого богатѣютъ, а не я. Мнѣ Богъ позволилъ нажить копѣйку честнымъ образомъ. Велика Его милость ко мнѣ, грѣшному, надобно было стараться загладить прежніе грѣхи. У меня это не выходило изъ головы. Вотъ какъ только случились лишнія деньженки, и я написалъ письмо бывшему барину, вложилъ 5000 рублей ассигн. и отослалъ ихъ къ нему, прося у него прощенія, и увѣдомлялъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Матушка его давно скончалась, баринъ же мнѣ отвѣчалъ и приглашалъ меня воротиться въ Россію; вотъ и письмо его, прибавилъ онъ, вынимая изъ шкафа бумагу. Но мнѣ уже было здѣсь такъ хорошо, что я и не подумалъ о возвращеніи. Къ тому же Богъ благословилъ меня семействомъ. Лоскутовъ, узнавъ, что я отослалъ барину деньги при цѣломъ обществѣ поцѣловалъ меня и сказалъ: «Вотъ, ребята, берите примѣръ съ Ермолая, и тогда всѣ будете людьми». Потомъ я захотѣлъ изъ благодарности за милость Божію ко мнѣ, выстроить Ему храмъ и долго хлопоталъ у преосвя-

щеннаго о разрѣшеніи. Наконецъ получилъ его, когда старая ветхая церковь сгорѣла отъ грозы. Пашни у меня было болѣе 100 десятинъ, двѣ заимки, держу около сорока работниковъ. Всѣ здѣшніе крестьяне со мной совѣтуются и я далъ обѣщаніе никому не отказывать въ помощи и не спрашивать у просящаго, кто онъ и на что ему? Вотъ еще недавно, нынѣшней осенью, ѣду я на заимку верхомъ, встрѣчаю нѣсколько человѣкъ бѣглыхъ. Куда путь держите? спросилъ я ихъ. Къ Ермолаю на заимку, отвѣчаютъ они. Онъ, говорятъ, добрый человѣкъ, поможетъ намъ. Ермолай-то добрый человѣкъ, говорю я, да законы-то строги, а у него на заимкѣ много работниковъ, ну какъ они васъ задержатъ, да представятъ? Пойдемте-ка лучше къ нему въ домъ. Они пошли за мной, я накормилъ ихъ, далъ бѣлье и снабдилъ кое-чѣмъ на дорогу. Разсуждаю такъ: дѣло правительства ловить бѣглеца; мое—накормить, помочь человѣку».

Мы смотрѣли на этого необыкновеннаго человѣка, удивлялись его простой, но здравой философіи и отъ всего сердца обняли его. Вотъ вамъ преступники, господа сочинители и исполнители уголовныхъ законовъ и общественныхъ учрежденій! Вы скажете, это исключеніе [1]). Да, исключеніе; но кто вамъ-то далъ право отнимать все будущее у подобнаго вамъ? Это дѣло одного Бога. Вы же можете быть одними только нравственными врачами. Лечите, старайтесь лечить какъ можно искуснѣе, не вредя здоровыхъ органовъ и, когда вылечите, возвратите обществу его члена, который можетъ быть для него полезнѣе многихъ здоровыхъ, и въ особенности своимъ примѣромъ, а не клеймите его вѣчнымъ позоромъ.

---

[1]) Я бы могъ привести здѣсь еще одинъ примѣръ человѣка, совершившаго ужасное преступленіе и котораго потомъ не только я, но и всѣ тѣ, которые были съ нимъ знакомы, знали за добродѣтельнаго и честнѣйшаго человѣка. Не смѣю ни назвать его, ни говорить о немъ, потому что онъ еще живъ, и я боюсь, чтобы какъ-нибудь случайно эти записки не растравили его раны.

Въ восточной Сибири существуетъ обыкновеніе, которое показываетъ, какими глазами сельское народонаселеніе смотритъ на бѣглыхъ, оставляющихъ нерѣдко мѣста своихъ работъ или ссылки, вслѣдствіе тяжкихъ работъ или дурного обращенія мѣстнаго начальства, или худого содержанія. Въ каждомъ селеніи при домахъ вы увидите подъ окнами небольшія полки, на которыя кладутъ на ночь ржаной хлѣбъ, пшеничныя булки, творогъ и крынки съ молокомъ и простоквашею. Бѣглые, проходя ночью селеніе, берутъ все это съ собою какъ подаяніе. Это обыкновеніе вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ отъ воровства; ибо, отъ недостатка въ пищѣ, бѣглецы по неволѣ должны прибѣгать къ покушенію на собственность.

Простясь съ добрымъ и умнымъ нашимъ Ермолаемъ, мы отправились далѣе. Верстъ за 200 отъ Иркутска, на одномъ изъ этаповъ, явился къ намъ только что выпущенный изъ академіи военный медикъ, очень милый и добрый юноша. Онъ только что прибылъ къ своей должности и очень жаловался на судьбу свою, которая предназначила ему жить въ отдаленномъ краю и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни общества, ни способовъ къ занятіямъ, ни развлеченія для человѣка сколько-нибудь образованнаго. Я нарочно упоминаю здѣсь объ этой встрѣчѣ, чтобы показать, какъ мало заботятся у насъ о томъ, чтобы по окончаніи воспитанія доставлять молодымъ людямъ средства къ дальнѣйшему образованію и предохранить ихъ отъ пагубныхъ слѣдствій скуки, бездѣятельности и одиночества. Проѣзжая это же селеніе черезъ 10 лѣтъ, когда мы съ Ивашевымъ ѣхали изъ Петровскаго завода въ Туринскъ, къ намъ явился тотъ же медикъ, но уже не тотъ человѣкъ. Онъ вошелъ къ намъ нетрезвый, съ распухшимъ лицомъ, въ изорванномъ сюртукѣ, который едва влѣзъ на его толстую, можно сказать, безобразную фигуру. Я позабылъ было о первой моей съ нимъ встрѣчѣ и хотя намъ вовсе непріятно было его присутствіе, тѣмъ болѣе,

что тутъ была супруга Ивашева, но изъ вѣжливости мы пригласили его напиться съ нами чаю. Когда мы нѣсколько разговорились съ нимъ, я узналъ въ немъ прежняго юношу и напомнилъ ему о первомъ нашемъ свиданіи. Лишь только я объ этомъ упомянулъ, онъ, бѣдный, залился горькими слезами. «Боже мой, вскричалъ онъ, какъ измѣнился я съ тѣхъ поръ, что я теперь, на что гожусь? Ни за что бы не пришелъ къ вамъ, еслибъ зналъ, что мы видѣлись прежде. Мнѣ совѣстно даже самого себя; а всему причиною проклятое это мѣсто; сколько я ни просилъ, какъ ни старался, чтобы меня перевели отсюда, начальство не обращало вниманія на мои просьбы. Скука погубила меня: никакого занятія, никакого развлеченія и никакого общества. Одинъ только этапный офицеръ, и тотъ изъ солдатъ, грубый, нетрезвый. Придешь къ нему—сейчасъ водка. Я сталъ пить, женился на крестьянкѣ и теперь уже совершенно освоился съ своимъ положеніемъ, такъ что если бы и захотѣли меня перевести отсюда, я бы не согласился. Въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ обществѣ я уже не гожусь». Вскорѣ онъ вышелъ отъ насъ, извиняясь, что обезпокоилъ и прося насъ пожалѣть о немъ. Сколько погибаетъ такимъ образомъ дѣльныхъ и умныхъ людей, которые при другой обстановкѣ, и въ особенности въ первое время молодости, были бы полезными членами общества.

Наконецъ, мы прибыли въ Иркутскъ. Это было поздно вечеромъ. Насъ подвезли къ острогу и помѣстили въ особой комнатѣ. Сейчасъ явился полицеймейстеръ, обошелся съ нами очень вѣжливо, спросилъ, не имѣемъ ли въ чемъ надобности и распорядился нашимъ ужиномъ. У меня дорогой сдѣлался флюсъ, отъ котораго я очень страдалъ, будучи безпрестанно на холоду, и я попросилъ его переговорить съ докторомъ. Онъ обѣщалъ свозить меня къ нему на другой день утромъ. Отведенная намъ комната была обширна, но очень неопрятна; около стѣнъ были нары, на которыхъ мы распо-

ложились ночевать. Утромъ, лишь только мы напились чаю, пріѣхалъ опять полицеймейстеръ и градской глава, купецъ Кузнецовъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ своимъ богатствомъ и огромными пожертвованіями на пользу общественную. Полицеймейстеръ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ къ инспектору Врачебной Управы. Мы отправились. Инспекторъ—старичокъ, съ простодушной физіономіей, лишь только узналъ мою фамилію, бросился обнимать меня. Оказалось, что онъ нѣкогда, до моего еще рожденія, былъ домашнимъ медикомъ въ домѣ моего дѣда и зналъ все наше семейство. Онъ плакалъ, смотря на меня, и съ большимъ усердіемъ оказалъ мнѣ необходимую помощь. Продержавъ меня болѣе часа и снабдивъ лекарствами и совѣтами, онъ трогательно, съ участіемъ, простился со мной. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ острогъ, прибылъ къ намъ генералъ-губернаторъ восточной Сибири, Лавинскій, ласково обошелся съ нами, предложилъ зависящія отъ него услуги; но при разговорѣ старался избѣгать слова *вы*, а говорилъ съ нами въ третьемъ лицѣ, обращаясь болѣе къ бывшимъ тутъ чиновникамъ, а не къ намъ. Это было и странно, и смѣшно, даже неловко ему самому. Можетъ быть, возвратясь только изъ Петербурга, онъ имѣлъ особенныя приказанія на счетъ насъ отъ Государя и, соображаясь съ ними, хотѣлъ въ присутствіи чиновниковъ показать, что мы потеряли уже право на принятыя въ образованномъ обществѣ условія. Странно только то было, что высшій государственный сановникъ могъ думать о такихъ мелочахъ.

Мы пробыли въ Иркутскѣ около недѣли. Тутъ узнали мы кое-что о распоряженіяхъ правительства насчетъ насъ. Узнали, что назначенъ и что уже прибылъ въ въ с. Читу, Нерчинскаго округа, опредѣленный собственно къ намъ комендантъ, генералъ Лепарскій, съ нѣкоторыми другими должностными лицами изъ военныхъ, что въ Читѣ наскоро приготовлено для насъ помѣщеніе, обнесенное тыномъ, и что нѣкоторые изъ

прежде отправленныхъ нашихъ товарищей находились уже тамъ. Всѣ эти свѣдѣнія были для насъ не совсѣмъ пріятны; одно только было утѣшительно знать, что всѣ мы будемъ вмѣстѣ, а на людяхъ и умереть красно, какъ говоритъ пословица.

Изъ Иркутска отправили насъ съ казацкимъ сотникомъ и четырьмя казаками въ Читу. Тутъ мы разстались съ провожавшими насъ жандармами и Тобольскимъ частнымъ приставомъ. Всѣ они такъ были съ нами вѣжливы, такъ внимательны къ намъ, что мы не могли нахвалиться ими и не оставаться имъ признательными. Частный приставъ не иначе называлъ Фонъ-Визина какъ превосходительнымъ и не хотѣлъ слушать, когда мы говорили ему, что лишены чиновъ и всѣхъ титуловъ. Въ Иркутскѣ мы встрѣтили также нашего фельдъегеря, которому приказано было, оставивъ насъ въ Тобольскѣ, догнать прежде отправленную партію, въ которой находился Завалишинъ, взять его одного и доставить въ Иркутскъ. Рѣшительно не понимаю причины этого распоряженія.

Много возни у насъ было съ нашимъ сотникомъ, несмотря на то, что онъ очень хорошъ былъ съ нами. Къ несчастію онъ имѣлъ страсть къ горячимъ напиткамъ и взялъ съ собой цѣлый боченокъ водки, изъ котораго на каждой станціи тянулъ неумѣренно, предлагая безпрестанно и намъ слѣдовать его примѣру. Ни совѣты, ни просьбы наши, ни увѣщанія, ничего не помогало, и мы должны были покориться необходимости, ожидая съ нетерпѣніемъ прибытія въ Читу.

Мы пріѣхали туда вечеромъ, довольно поздно, не заставъ ни коменданта, ни плацъ-маіора: они были въ это время въ Нерчинскихъ заводахъ, гдѣ находились первые восемь человѣкъ нашихъ товарищей, отправленныхъ туда сейчасъ послѣ сентенціи. Принялъ насъ поручикъ Степановъ и помѣстилъ въ какое-то небольшое деревянное зданіе, окруженное тыномъ. Все это зданіе состояло изъ двухъ небольшихъ комнатъ, раздѣленныхъ

сѣнями, и третьей очень маленькой, отгороженной въ самыхъ сѣняхъ. Насъ помѣстили въ одной изъ нихъ. Въ другой находились прежде прибывшіе товарищи наши: два брата Муравьевыхъ, Анненковъ, Свистуновъ, Завалишинъ, Торсонъ и два брата Крюковыхъ. Мы слышали, какъ они говорили между собою, но намъ не позволено было въ этотъ вечеръ съ ними видѣться. Офицеръ Степановъ освидѣтельствовалъ наши вещи, обошелся довольно грубо, поставилъ караулъ и уходя заперъ изъ сѣней дверь, отдавъ ключъ часовому. Никогда не видѣлъ я такого сходства въ наружности, какъ у этого офицера съ гр. Аракчеевымъ. Оно такъ было поразительно, что впослѣдствіи мы не иначе звали его, какъ Аракчеевымъ, и сомнѣвались, не побочный ли онъ его сынъ. Оставшись одни, безъ огня, мы кое-какъ помѣстились на бывшихъ тутъ нарахъ и легли спать вовсе не съ утѣшительными мыслями. Мы опасались, что и здѣсь намъ будетъ воспрещено сообщаться свободно съ товарищами, и очень обрадовались, когда на другой день утромъ, лишь только отворили нашу дверь, всѣ они вошли къ намъ, радушно насъ привѣтствовали и пригласили въ свою комнату пить чай. Вслѣдъ за нами, стали пріѣзжать и другіе. Каждые три дни прибывала новая партія изъ трехъ или четырехъ человѣкъ. Сначала помѣщали ихъ въ нашъ домикъ; а потомъ, когда сдѣлалось уже очень тѣсно, въ другой, устроенный такимъ же образомъ, на противоположномъ концѣ селенія. Къ концу зимы, т.-е. къ Апрѣлю мѣсяцу, съѣхалось насъ болѣе 70 человѣкъ. Половина занимала одинъ домъ, а другая помѣстилась въ другомъ. Въ это время пріѣхали уже и нѣсколько дамъ. Жена Муравьева первая, потомъ Фонъ-Визина, Нарышкина, Ентальцева. Онѣ жили въ наемныхъ квартирахъ у жителей, и имъ позволено было видѣться съ мужьями два раза въ недѣлю въ казематахъ, въ присутствіи офицера. Комендантъ тоже вскорѣ прибылъ изъ Нерчинска, былъ у насъ и обошелся ласково, хотя и оффиціально.

Помѣщеніе наше было чрезвычайно тѣсно. Въ первой комнатѣ, аршинъ осьми длины и пяти ширины, жило человѣкъ 16, во второй, почти того же размѣра, тоже 16, а въ третьей маленькой 4 человѣка. Въ другомъ домикѣ было, кажется, еще тѣснѣе. На нарахъ каждому изъ насъ приходилось по три четверти аршина для постели, такъ что, перевертываясь ночью на другой бокъ, надобно было непремѣнно толкнуть одного изъ сосѣдей своихъ, особенно имѣя на ногахъ цѣпи, которыхъ на ночь не снимали и которыя при всякомъ неосторожномъ движеніи производили необыкновенный шумъ и чувствительную боль. Но къ чему не можетъ привыкнуть, чего не можетъ перенести молодость! Мы всѣ спали такъ же хорошо, какъ на роскошныхъ постеляхъ и мягкихъ пуховикахъ.

Тѣснота эта еще была ощутительнѣе днемъ. Пространства для движенія было такъ мало, что всѣмъ намъ не было никакой возможности сходить съ наръ, притомъ шумъ отъ желѣзъ былъ такъ силенъ, что надобно было очень громко говорить, чтобы слышать другъ друга. Сначала намъ позволяли гулять только по двору, но потомъ не воспрещено выходить днемъ, когда вздумается. При такой тѣснотѣ, это дозволеніе было почти необходимо: въ противномъ случаѣ, безъ воздуха и движенія, могли открыться повальныя болѣзни. Дворъ былъ небольшой, обнесенный высокимъ тыномъ, около котораго на каждой сторонѣ находился часовой, а въ воротахъ два; слѣдовательно опасаться было нечего.

При посѣщеніи дамами мужей своихъ, выводили всѣхъ тѣхъ, кто помѣщался въ комнатѣ назначенной для свиданія. Разумѣется, въ хорошую погоду мы уходили сидѣть или гулять по двору, но въ худую собирались всѣ въ другую, и тогда рѣшительно помѣщались въ ней, какъ сельди въ боченкахъ.—Обѣдъ намъ готовили общій. Онъ обыкновенно состоялъ изъ супа или щей и изъ каши съ масломъ. Приносили все это въ деревянныхъ ушатахъ; оттуда мы уже брали кушанье на тарелки.

Въ обѣденное время вносились въ комнату козлы, на нихъ клались доски, покрывались кое-какъ салфетками и скатертями, и на этомъ столѣ становилось кушанье. Садились же мы гдѣ было только можно, и около стола и на нарахъ, однимъ словомъ въ самомъ разнообразномъ безпорядкѣ. Ужинали тоже кое-какъ и стоя, и ходя. Всякій бралъ свой кусокъ вареннаго мяса, и ѣлъ, какъ и гдѣ хотѣлъ. Часто случалось, что, улегшись ночью на узенькой постелѣ своей, состоявшей изъ войлока, вдругъ почувствуешь что-то твердое подъ бокомъ и вынешь кость, оставшуюся послѣ ужина или обѣда.

Правительство назначало намъ на содержаніе шесть копѣекъ мѣди въ сутки и въ мѣсяцъ два пуда муки, по общему положенію всѣхъ ссыльно-рабочихъ. Разумѣется, этого не могло доставать, не только на все содержаніе, но даже и на одну пищу. Но какъ нѣкоторые изъ насъ привезли съ собою деньги, отданныя ими коменданту, къ тому же дамы съ своей стороны радушно удѣляли часть своихъ денегъ, изъ всего этого составилась артельная сумма, которая и расходовалась на общія наши потребности.

Кромѣ того, дамы присылали намъ кофей, шеколадъ и различныя кушанья, служившія намъ въ родѣ лакомства. Изъ книгъ, привезенныхъ каждымъ изъ насъ, составилась порядочная библіотека, которою всѣ могли пользоваться, и это было однимъ изъ самыхъ пріятныхъ нашихъ занятій, самыхъ полезныхъ и дѣйствительныхъ развлеченій.

Намъ назначены были дни работы. Каждый день, исключая праздниковъ, насъ выводили за конвоемъ, на три часа поутру и на два послѣ обѣда, засыпать какой-то ровъ на концѣ селенія. Мы были очень рады этимъ работамъ, потому что онѣ позволяли намъ видѣться съ товарищами нашими изъ другого каземата. Работать же насъ не принуждали: свезя нѣсколько тачекъ земли, мы обыкновенно садились бесѣдовать другъ съ другомъ, или читали взятую съ собой книгу, и та-

кимъ образомъ проходило время работы... Ровъ этотъ, не знаю кто-то изъ насъ назвалъ Чортовой могилой [1]), и говорятъ, что онъ до сихъ поръ носитъ это названіе. Впослѣдствіи придумали намъ другую работу: устроили ручную мельницу въ нѣсколько жернововъ и водили туда молоть хлѣбъ. Но и тамъ мы почти ничего не дѣлали, толковали, читали, играли въ шахматы, и только для виду подходили минутъ на десять къ жерновамъ и намалывали фунта по три такой муки, которая ровно никуда не годилась. Должно отдать въ этомъ случаѣ справедливость коменданту, который по добротѣ своей смотрѣлъ на все это сквозь пальцы и поступалъ съ нами вообще очень снисходительно и человѣколюбиво.

Намъ воспрещено было писать самимъ къ нашимъ роднымъ. Въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ касающихся до ограниченія свободной воли человѣка, насъ подчинили одинакимъ правиламъ съ простыми ссыльно-рабочими, въ иныхъ же случаяхъ лишали и послѣдняго остатка той свободы, которою они пользовались. Пріѣздъ и пребываніе дамъ много облегчили судьбу нашу. Имъ нельзя было воспретить писать, и онѣ съ удовольствіемъ приняли на себя обязанность нашихъ секретарей, т. е. писали отъ имени каждаго изъ насъ къ роднымъ и тѣмъ возстановили переписку и поддерживали родственныя связи наши. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ большая часть изъ насъ стали получать отъ родныхъ письма и пособіе.

Съ другой стороны, даже и въ отношеніи нашего тюремнаго бытія, нашего содержанія, обращенія съ нами должностныхъ лицъ, присутствіе ихъ было истинно благодѣтельно. Чрезъ нихъ мы могли говорить съ комендантомъ, какъ люди свободные, не подвергаясь отвѣтственности въ нарушеніи той зависимости, на которую обрекалъ насъ приговоръ нашъ. Онѣ были сви-

---

[1]) Виды Читы будутъ помѣщены въ слѣдующихъ выпускахъ.
Ред.

дѣтельницами, можно сказать, участницами нашей жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользовались всѣми правами своими, слѣдовательно, могли жаловаться частнымъ образомъ роднымъ своимъ и даже самому правительству... Не разъ, по своему незнанію гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, не признавая той неограниченной власти, которую правительство имѣетъ надъ осужденными и основываясь только на чувствѣ справедливости и человѣколюбія, онѣ вступали, при какой-нибудь стѣснительной въ отношеніи насъ мѣрѣ, въ борьбу съ комендантомъ и говорили ему въ глаза самыя жестокія, самыя колкія слова, называя его тюремщикомъ и прибавляя, что ни одинъ порядочный человѣкъ не согласился бы принять на себя эту должность, иначе какъ только съ тѣмъ, чтобы, несмотря на послѣдствія и на гнѣвъ Государя, облегчать сколько возможно участь нашу; что если онъ будетъ поступать такимъ образомъ, то заслужитъ не только уваженіе ихъ, наше, но и уваженіе общее и потомства; въ противномъ же случаѣ, онѣ будутъ смотрѣть на него, какъ на простого тюремщика, продавшаго себя за деньги, и онъ оставитъ по себѣ незавидную память. Такія слова не могли не имѣть вліянія на добраго старика, тѣмъ болѣе, что по сердцу своему онъ находилъ ихъ справедливыми. „Au mon de Dieu, ne vous échauffez pas Madame“, отвѣчалъ бывало онъ имъ на подобную выходку. „Soyez raisonable je ferai se que depend de moi, mais vous exigez une chose qui doit me compromettre aux yeux du gouvernement. Je suis sur que vous ne voulez pas, qu'on me fasse soldat, pour n'avoir pas suivi mes instructious“. — „Eh bien soyez soldat, general. ui pisait on, mais soyez honnete homme“ *). Что ему было дѣлать съ ними послѣ этого?

*) Бога ради, не горячитесь, сударыня; будьте благоразумны: я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ; но вы требуете такую вещь, которая можетъ меня компрометировать въ глазахъ правительства. Я увѣренъ, вы не хотите, чтобы меня разжаловали въ солдаты за то, что я нарушилъ данное мнѣ приказаніе. — Ну, чтожъ, будьте лучше солдатомъ, генералъ, но будьте честнымъ человѣкомъ.

Съ другой стороны, онъ вскорѣ долженъ былъ почувствовать и къ намъ не одно только состраданіе, но и нѣкоторое уваженіе. Отложа въ сторону всякое самохвальство, можно по совѣсти сказать, что мы вели себя скромно и съ достоинствомъ. При первомъ его посѣщеніи, когда онъ упомянулъ намъ о томъ зависимомъ положеніи, въ которое мы поставлены нашимъ осужденіемъ, всѣ отвѣчали ему, что мы это знаемъ очень хорошо, что готовы сносить съ терпѣніемъ всѣ лишенія, подчиняться безпрекословно всѣмъ распоряженіямъ, всѣмъ стѣснительнымъ противъ насъ мѣрамъ, но что объ одномъ только просимъ его и напередъ объявляемъ, что въ этомъ отношеніи мы готовы будемъ лучше лишиться жизни, чѣмъ переносить хладнокровно. Эта единственная просьба наша состояла въ томъ, чтобы не оскорблять насъ дерзкимъ обращеніемъ, но обходиться съ нами какъ съ людьми, у которыхъ осужденіе не могло отнять ихъ прежнихъ понятій и ихъ чувствъ.

Мѣстность Читы и климатъ были безподобны. Растительность необыкновенная. Все то, что произрастало тамъ, достигало изумительныхъ размѣровъ. Воздухъ былъ такъ, благотворенъ и въ особенности для меня, что никогда и нигдѣ я не наслаждался такимъ здоровьемъ. Будучи, слабаго, тщедушнаго сложенія, я, казалось, съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ новыя силы и, наконецъ, до такой степени укрѣпился, что сталъ почти другимъ человѣкомъ. Вообще всѣ мы въ Читѣ очень поздоровѣли и, пріѣхавши туда изнуренные крѣпостнымъ заключеніемъ и нравственными испытаніями, вскорѣ избавились отъ всѣхъ послѣдствій перенесенныхъ нами страданій. Конечно къ этому много способствовала наша молодость, но въ свою очередь, климатъ оказалъ большую помощь. Отсутствіе всякихъ тѣлесныхъ недуговъ имѣло необходимое вліяніе на расположеніе духа. Мы были веселы, легко переносили свое положеніе и, живя между собою дружно, какъ члены одного семейства, бодро и спокойно смотрѣли на ожи-

давшую насъ будущность. Каждый изъ насъ, болѣе или менѣе, старался заниматься чѣмъ-нибудь. Иные съ помощью книгъ и товарищей учились неизвѣстнымъ для нихъ языкамъ: Французскому, Нѣмецкому, Англійскому, по-латынѣ, по-гречески, даже по-еврейски; другіе занимались математикой, поэзіей, исторіей, живописью, музыкой и даже ручными ремеслами. Мы устроили на дворѣ палатку, просиживали тамъ по цѣлымъ днямъ съ книгой и съ грифельною доской (писать на бумагѣ не позволялось) и не видѣли, какъ шло время. Вечера обыкновенно ходили кучками и толковали о разныхъ предметахъ. Но всего превосходнѣе было то, что между нами не произносилось никакихъ упрековъ, никакихъ даже другъ другу намековъ относительно нашего дѣла. Никто не позволялъ себѣ даже замѣчаній другому, какъ велъ онъ себя при слѣдствіи, хотя многіе изъ насъ обязаны были своею участью неосторожнымъ показаніямъ или недостатку твердости кого-либо изъ товарищей. Казалось, что всѣ недоброжелательные помыслы были оставлены въ покинутыхъ нами казематахъ и что сохранилось во всѣхъ одно только взаимное другъ къ другу расположеніе.

Помню, что въ первое время нашего пребыванія въ Читѣ, мы очень много толковали о возможности освободиться изъ нашего заключенія, и вспоминаю объ этомъ потому болѣе, что въ настоящее время предположеніе наше плыть по Амуру до Сахалина вполнѣ оправдалось. Дѣло состояло въ томъ, чтобы обезоружить караулъ и всю команду, находившуюся въ Читѣ, задержать на время коменданта и офицеровъ и потомъ, присоединивъ къ себѣ тѣхъ, которые согласятся пристать къ намъ и запасясь провіантомъ, оружіемъ, снарядами, построить наскоро барку или судно, спуститься рѣками Аргуномъ и Шилкою въ Амуръ и плыть имъ до самаго устья его, а тамъ уже дѣйствовать и поступать по обстоятельствамъ. Этотъ планъ, я увѣренъ, очень могъ быть исполненъ. Насъ было 70 человѣкъ,

Г. Чита; дома кн. Трубецкой, Муравьевой и коменданта.

Одинъ изъ декабристовъ отправляется на побывку къ женѣ въ сопровожденіи конвойнаго.

молодыхъ, здоровыхъ, рѣшительныхъ людей. Обезоружить караулъ и выйти изъ каземата не представляло никакого затрудненія, тѣмъ болѣе, что большая часть солдатъ приняла бы сейчасъ нашу сторону. Вся команда состояла изъ ста съ небольшимъ человѣкъ, и можно навѣрное предположить, что половина присоединилась бы къ намъ. Офицеры и комендантъ не могли бы намъ противиться. Пока дошло бы свѣдѣніе о дѣйствіяхъ нашихъ въ Иркутскъ и пока приняли бы мѣры противъ насъ, мы легко могли построить судно, нагрузиться и уплыть въ Амуръ, слѣдовательно, быть внѣ преслѣдованія. Въ Читѣ мы нашли бы необходимое: провіантъ, снаряды и оружіе, въ достаточномъ количествѣ для нашего путешествія. Плаваніе по Амуру, какъ оказалось это впослѣдствіи экспедиціею генералъ-губернатора Муравьева, совершилось бы безъ особенныхъ препятствій. Однимъ словомъ, вѣроятности въ успѣхѣ было много, болѣе чѣмъ нужно при каждомъ смѣломъ предпріятіи. Но съ другой стороны представлялись и затрудненія: неожиданное сопротивленіе со стороны команды, слѣдовательно, необходимость прибѣгнуть къ силѣ оружія, погубить, можетъ быть, нѣсколько невинныхъ жертвъ, однимъ словомъ взять на совѣсть пролитіе крови единственно для своего только освобожденія. При томъ непредвидимыя случайности напр., нечаянное, преждевременное открытіе нашего намѣренія комендантомъ или офицерами, недостатокъ рѣшимости въ комъ-либо изъ насъ въ послѣднюю минуту. Наконецъ вопросъ, какъ поступить съ дамами; оставить ихъ (на что вѣроятно онѣ бы не согласились) въ рукахъ раздраженнаго правительства или, взявши съ собою, подвергнуть всѣмъ лишеніямъ, всѣмъ опасностямъ нашего дерзкаго, невѣрнаго предпріятія. Обстоятельно размысливъ обо всемъ этомъ и находя возраженія нѣкорыхъ болѣе осторожныхъ нашихъ товарищей основательными, пылкая молодежь должна была согласиться съ нами и перестала думать и толковать объ освобожденіи своемъ.

Въ это время случилось въ нашемъ казематѣ происшествіе, которое могло имѣть очень худыя для насъ послѣдствія и гдѣ выказалось благоразуміе и расположеніе къ намъ коменданта. Разъ, какъ-то, г-жа Муравьева пришла на свиданіе съ мужемъ въ сопровожденіи дежурнаго офицера. Офицеръ этотъ, подпоручикъ Дубининъ, не напрасно носилъ такую фамилію, и сверхъ того въ этотъ день былъ въ нетрезвомъ видѣ. Муравьевъ съ женой остался, по обыкновенію, въ присутствіи его въ одной изъ комнатъ, а мы всѣ разошлись: кто на дворѣ, кто въ остальныхъ двухъ казематахъ. Муравьева была не очень здорова и прилегла на постели своего мужа, говорила о чемъ-то съ нимъ, вмѣшивая иногда въ разговоръ французскія фразы и слова. Офицеру это не понравилось, и онъ съ грубостью сказалъ ей, чтобы она говорила по-русски.

Но она, посмотрѣвъ на него и не совсѣмъ понимая его выраженія, спросила опять по-французски мужа: Qu'est ce qu'il veut, mon ami? *). Тогда Дубининъ, потерявши отъ вина послѣдній здравый смыслъ свой и полагая можетъ быть, что она бранитъ его, схватилъ ее вдругъ за руку и неистово закричалъ: „я приказываю тебѣ говорить по-русски". Бѣдная Муравьева, не ожидавши такой выходки, такой наглости, закричала въ испугѣ и выбѣжала изъ комнаты въ сѣни. Дубининъ бросился за ней, несмотря на усилія мужа удержать его. Большая часть изъ насъ и въ томъ числѣ и братъ Муравьевой, гр. Чернышевъ, услышавъ шумъ, отворили изъ своихъ комнатъ двери въ сѣни, чтобы узнать, что происходитъ, и вдругъ увидали бѣдную женщину въ истерическомъ припадкѣ и всю въ слезахъ, преслѣдуемую Дубининымъ. Въ одну минуту мы на него бросились, схватили его, но онъ успѣлъ уже переступить на крыльцо и, потерявъ голову, въ припадкѣ бѣшенства, закричалъ часовымъ и караульнымъ у воротъ, чтобы они примкнули штыки и шли къ нему на помощь. Мы въ свою

*) Чего онъ хочетъ, мой другъ?

очередь закричали также, чтобы они не смѣли трогаться съ мѣста и что офицеръ пьяный самъ не знаетъ, что приказываетъ имъ. Къ счастью они послушались насъ, а не офицера, остались равнодушными зрителями и пропустили Муравьеву въ ворота. Мы попросили старшаго унтеръ-офицера сейчасъ же бѣжать къ плацъ-маіору *) и звать его къ намъ. Дубинина же отпустили тогда только, когда все успокоилось, и унтеръ-офицеръ отправился исполнить наше порученіе. Онъ побѣжалъ отъ насъ туда же. Явился плацъ-маіоръ и смѣнилъ сейчасъ Дубинина съ дежурства. Мы разсказали ему, какъ все происходило; онъ просилъ насъ успокоиться; но замѣтно было, что онъ боялся, чтобы изъ этого не вышло какого-нибудь серьезнаго дѣла и чтобы самому не подвергнуться взысканію за излишнюю къ намъ снисходительность. Коменданта въ это время не было въ Читѣ. Его ожидали на другой день. До пріѣзда его, насъ перестали водить на работу для того, чтобы мы не могли сообщаться съ прочими товарищами нашими, и вообще присмотръ сдѣлался какъ-то строже. По возвращеніи своемъ, комендантъ сейчасъ пошелъ къ Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой, извинился передъ нею въ невѣжливости офицера и увѣрилъ ее, что впередъ ни одна изъ дамъ не подвергнется подобной дерзости. Потомъ зашелъ къ намъ, вызвалъ Муравьева и Чернышева, долго говорилъ съ ними и просилъ, въ лицѣ ихъ, всѣхъ насъ какъ можно быть осторожнѣе на будущее время. «Что если бы солдаты не были такъ благоразумны, прибавилъ онъ, если бы они послушались не васъ, а офицера? Вы бы могли всѣ погибнуть. Тогда скрыть происшествіе было бы невозможно. Хотя офицеръ и первый подалъ поводъ, и онъ тоже подвергся бы отвѣтственности, но вамъ какая отъ того польза? Васъ бы все-таки осудили, какъ возмутителей, а въ вашемъ положеніи

*) Не плацъ-маіору, а плацъ-адъютанту Куломзину; онъ былъ племянникъ Лепарскаго. Другой племянникъ его, по фамиліи Лепарскій же былъ плацъ-маіоромъ, но гораздо позднѣе.

это подвергаетъ Богъ знаетъ чему. Я же тогда, кромѣ безполезнаго сожалѣнія, ничѣмъ бы не могъ пособить вамъ». Далѣе увѣрилъ ихъ, что происшествіе это онъ кончитъ домашнимъ образомъ, не донесетъ объ немъ никому, а переведетъ только Дубинина въ другую команду.

Своимъ офицерамъ, а особенно плацъ-маіору, который былъ его родной племянникъ, онъ порядочно намылилъ голову за то, что они не смотрятъ за дежурными и допускаютъ ихъ отправлять эту обязанность въ нетрезвомъ состояніи. Тѣмъ кончилось это происшествіе. Если бы комендантъ былъ не доброжелательный, злой человѣкъ, онъ бы и въ этомъ случаѣ могъ подвергнуть насъ большимъ непріятностямъ, въ особенности, если бы дѣло представлено было въ превратномъ видѣ.

Между тѣмъ, въ продолженіе лѣта 1827 года, намъ строили другое временное помѣщеніе. Я говорю потому временное, что въ то же время, въ Петровскомъ чугунномъ заводѣ, въ разстояніи 600 верстъ отъ Читы, созидался большой тюремный замокъ, куда правительство намѣрено было перевести насъ, что впослѣдствіи и было исполнено. Это помѣщеніе въ Читѣ окончено было къ осени, и насъ всѣхъ перевели туда. Оно заключало въ себѣ двѣ половины, раздѣленныя между собою теплыми сѣнями или широкимъ коридоромъ. Каждая половина состояла изъ двухъ большихъ комнатъ, не имѣвшихъ между собою сообщенія. Входъ въ каждую изъ нихъ былъ изъ коридора. Въ каждой комнатѣ помѣщались отъ 15 до 20 человѣкъ довольно свободно. У всякаго изъ насъ была особая кровать и подлѣ ночной столикъ. Посрединѣ оставалось достаточно мѣста для большого стола и для скамеекъ вокругъ него. За этимъ столомъ мы обѣдали, пили чай и занимались. Въ одномъ изъ прежнихъ казематовъ нашихъ оставлено было человѣкъ 15, а другой назначенъ былъ для лазарета, на случай болѣзни кого-либо изъ насъ. Туда водили также на сви-

даніе мужей съ ихъ супругами. Вскорѣ, впрочемъ, стали отпускать первыхъ на собственныя квартиры ихъ женъ, подъ конвоемъ. Офицеръ же не присутствовалъ при ихъ свиданіи, послѣ происшествія съ Дубининымъ.

Осенью и зимою 1827 года, стали прибывать и остальные изъ нашихъ товарищей, находившіеся въ Финляндскихъ крѣпостяхъ. Равнымъ образомъ привезли и тѣхъ 8 человѣкъ, которые были отправлены сейчасъ послѣ сентенціи въ Нерчинскіе заводы. Съ ними пріѣхали и жены двухъ изъ нихъ, княгини Трубецкая и Волконская. Отправившись въ слѣдъ за мужьями своими въ Сибирь, онѣ жили съ ними во время ихъ пребыванія въ заводахъ. Къ концу зимы всѣ осужденные на работѣ находились уже въ Читѣ, исключая Батенкова, Кюхельбекера 1-го, Поджіо 1-го, Дивова и Норова, которые, неизвѣстно по какой причинѣ, оставлены были въ крѣпостяхъ. Первый пробылъ въ заточеніи около двадцати лѣтъ, а два другіе около десяти.

Пріѣздъ новыхъ товарищей нашихъ, разсказы каждаго изъ нихъ о томъ, что было съ нимъ послѣ сентенціи, о томъ, что каждый испыталъ, какъ провелъ послѣднее время и т. д. весьма естественно составляли предметъ разговора въ нашихъ бесѣдахъ. Сверхъ того мы, чрезъ дамъ нашихъ, стали получать газеты и журналы. Тогда была война съ Персіей и потомъ съ Турціей. Событія этихъ войнъ не могли не интересовать насъ. Мы еще не могли забыть военной службы, не могли быть равнодушными къ успѣхамъ нашего оружія; знали болѣе или менѣе почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ нашихъ, отъ главнокомандующихъ до послѣдняго генерала. Многіе изъ отличившихся въ эти кампаніи были нашими товарищами, иные даже друзьями. Слѣдовательно, мы съ участіемъ слѣдили за каждымъ успѣхомъ Русскихъ войскъ, за каждымъ подвигомъ кого-либо изъ нашихъ знакомыхъ или бывшихъ друзей. Многіе изъ нихъ теперь уже государственными сановниками, извѣстными генералами, администраторами, и я увѣренъ, что до сихъ

поръ они сохранили сердечное объ насъ воспоминаніе. По крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, съ которыми мнѣ случилось видѣться, не только не забыли меня, но встрѣтили съ прежнею любовью, съ прежнею откровенностью, какъ будто бы между нами не существовало никакого различія въ общественномъ положеніи. Спасибо имъ за это, и отъ души спасибо! Это служитъ мнѣ доказательствомъ, что я не ошибался въ выборѣ моихъ юношескихъ привязанностей. Нынѣ даже, когда я пишу эти строки, я получилъ знакъ душевнаго воспоминанія и дружбы одного изъ прежнихъ друзей моей молодости, съ которымъ я разстался и не видался болѣе тридцати лѣтъ. Вскорѣ мы устроили нѣкоторыя общія занятія, общія поучительныя бесѣды. Каждое воскресенье многіе изъ насъ собирались по утрамъ читать вслухъ что-нибудь религіозное, напр., собственные переводы знаменитыхъ иностранныхъ проповѣдниковъ—Англійскихъ, Нѣмецкихъ, Французскихъ; проповѣди извѣстныхъ духовныхъ особъ Русской Церкви, и кончали чтеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ Евангелія, Дѣяній Апостоловъ или Посланій. Два раза въ недѣлю собирались мы тоже и на литературныя бесѣды. Тутъ каждый читалъ что-нибудь собственное или переводное изъ предмета имъ избраннаго: исторіи, географіи, политической экономіи, словесности, поэзіи и такъ далѣе. Бывали и концерты или вечера музыкальные. Звучные и прекрасные стихи Одоевскаго [1]), относящіеся къ нашему положенію, согласные съ нашими мнѣніями, съ нашею любовью къ Отечеству, нерѣдко пѣлись хоромъ, подъ звуки музыки собственнаго сочиненія кого-либо изъ нашихъ товарищей-музыкантовъ.

Знаменитый нашъ поэтъ Пушкинъ прислалъ намъ въ это время свое посланіе:

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ, и т. д.

Здѣсь кстати помѣщаю прекрасные стихи покойнаго

---

[1]) Будутъ помѣщены въ слѣдующемъ выпускѣ и его письма изъ Сибири, *ненапечатанныя нигдѣ.* *Ред.*

товарища нашего поэта Одоевскаго, написанные въ альбомъ княгини М. Н. Волконской 25 Декабря 1829 года, въ день ея рожденія:

Былъ край слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя, земныя пелены,
И вѣстницы благія Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ, лились въ темницѣ дни, лѣта;
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

Въ этихъ стихахъ Одоевскій такъ вѣрно, такъ прекрасно высказалъ тогда общія наши чувства, что я не считаю нескромностью украсить ими мои воспоминанія.

Я бы могъ помѣстить здѣсь многое изъ того, что я узналъ тогда отъ товарищей моихъ, собравшихся вмѣстѣ, какъ въ отношеніи нашего общества, нашего дѣла, такъ и въ отношеніи дѣйствій правительства, при возстаніи 14 декабря, во время слѣдствія и послѣ него; но предположивъ себѣ писать только то, въ чемъ я самъ участвовалъ или чему былъ свидѣтелемъ, я ограничиваюсь одними собственными моими воспоминаніями.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1828 года, послѣднему разряду сосланныхъ въ работу окончился срокъ (они были осу-

ждены на два года, а въ коронацію имъ убавили еще годъ) и потому ихъ отправили на поселеніе. Прежде еще взяты были, присланными изъ Петербурга фельдьегерями, Толстой, Корниловичъ и отвезены служить на Кавказъ солдатами.

Вотъ имена отправленныхъ въ этотъ годъ на поселеніе: Кривцовъ, Аврамовъ 2-й, Чернышевъ, Лисовскій, Фонъ-деръ-Бригенъ, Ентальцевъ, Тизенгаузенъ, Лихаревъ, Загорѣцкій, Черкасовъ и Выгодовскій. Имъ назначены мѣста для водворенія, въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ восточной и западной Сибири — въ Туруханскѣ, Березовѣ и Пелымѣ.

Впослѣдствіи нѣкоторымъ изъ нихъ разрѣшено было вступить въ службу солдатами на Кавказъ, а другихъ перевели на югъ, въ мѣста болѣе удобныя для жительства.

Грустно намъ было разставаться съ ними, да и имъ мало представлялось утѣшительнаго въ будущей одинокой жизни въ сѣверной Сибири, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, кто не надѣялся имѣть достаточныхъ способовъ, у кого не было близкихъ родныхъ, или у кого родные были небогатые люди. Дамы наши и въ этомъ случаѣ явились благодѣтельными геніями. Онѣ по возможности снабжали неимущихъ отъѣзжающихъ бѣльемъ, платьемъ, книгами и деньгами.

По отъѣздѣ ихъ, опростался и тотъ казематъ, гдѣ они оставались при переводѣ нашемъ въ новое зданіе. Его занимали теперь, по собственному желанію: Мухановъ, Ивашевъ и Пестовъ.

При нашей тюрьмѣ былъ обширный дворъ, обнесенный тыномъ. На этомъ дворѣ позволено было нѣкоторымъ изъ насъ построить себѣ комнаты; другіе, въ томъ числѣ и я, устроили для лѣта палатки. Мы удалялись туда днемъ, чтобы свободнѣе заниматься и избавляться на время отъ постояннаго шума въ нашихъ комнатахъ, необходимаго слѣдствія многолюдства и носимыхъ нами цѣпей.

Еще въ 1827 году прибыла къ одному изъ нашихъ товарищей, Анненкову, невѣста его изъ Россіи. Она была Француженка и лично просила Государя позволенія ѣхать въ Сибирь и соединить съ нимъ свою судьбу, заранѣе соглашаясь на всѣ условія. Государь удовлетворилъ ея просьбу. Ей дали подписать бумагу, въ которой она отрекалась отъ правъ своихъ и подчинялась всѣмъ ограниченіямъ, всѣмъ мѣрамъ, которыя могутъ быть приняты въ ея отношеніи при выходѣ замужъ за государственнаго преступника. Она пріѣхала въ Читу, лѣтомъ, и дня черезъ три была обвѣнчана въ Читинской церкви. Это была любопытная и можетъ быть единственная свадьба въ мірѣ. Во время вѣнчанія съ Анненкова сняли желѣза и сейчасъ по окончаніи обряда опять надѣли и увели обратно въ тюрьму и потомъ поступали съ ними, какъ съ прочими женатыми, то-есть: давали имъ два раза въ недѣлю свиданіе на квартирѣ госпожи Анненковой.

Перейдя въ новое зданіе, мы съ разрѣшенія коменданта устроили нѣсколько хозяйственную часть свою. Избрали на время хозяина, который завѣдывалъ кухнею, заготовленіемъ припасовъ, покупкою сахара, чая и т. д. и назначили двухъ смотрѣть за огородомъ. Сверхъ того въ каждой комнатѣ, двое изъ насъ по очереди дежурили. Обязанность ихъ состояла наблюдать за чистотой, приготовлять къ обѣду столъ, брать отъ хозяина съ кухни на свою команду кушанье, приготовлять къ чаю самовары и разливать чай. Во всемъ этомъ помогали имъ нанятые, для каждой комнаты по одному, мальчики. Они носили кушанье, воду, ставили самовары, убирали комнаты и употреблялись на посылки.

Мы пробыли въ Читѣ до Іюля мѣсяца 1830 года, стало быть болѣе трехъ лѣтъ. Намъ было уже давно извѣстно, что въ Петровскомъ Заводѣ строился для насъ тюремный замокъ, и что скоро всѣхъ насъ туда переведутъ. Комендантъ раза два уже ѣздилъ туда, чтобы осмотрѣть и ускорить работы; наконецъ сами офицеры объявили

намъ, что лѣтомъ этого года мы будемъ перемѣщены изъ Читы.

Хотя Читинская тюрьма и не совсѣмъ была удобна для насъ, особенно зимою, когда наступали жестокіе холода и когда надобно было сидѣть цѣлый день въ не совсѣмъ теплой комнатѣ, съ маленькими замерзшими окнами, чрезъ которыя едва проходилъ свѣтъ и въ которой въ три часа по полудни было уже такъ темно, что надобно было зажигать свѣчи *), хотя шумъ отъ хожденія и разговора жившихъ въ одной комнатѣ 20 человѣкъ мало давалъ покоя и не позволялъ заниматься ничѣмъ серьезнымъ: но мы такъ было привыкли къ этой жизни, что съ сожалѣніемъ помышляли о предстоящей перемѣнѣ.

Наконецъ, комендантъ объявилъ намъ, чтобы мы собирались къ походу въ Петровскій Заводъ. Идти туда мы должны были пѣшкомъ, дѣлая каждый день по одной станціи отъ 20 до 30 верстъ и пользуясь въ три дни однимъ днемъ отдыха. Тѣмъ, которые были слабаго здоровья, и въ томъ числѣ и мнѣ, позволялось имѣть на двухъ человѣкъ собственную повозку, для того чтобы можно было иногда присѣсть, и подъ которую назначалась обывательская лошадь. Подъ вещи наши приготовлены были также подводы. Всѣ мы раздѣлены были на двѣ партіи. Первая выступила тремя днями ранѣе. При каждой партіи находились офицеръ и конвой. Комендантъ и плацъ-маіоръ ѣхали сами по себѣ и навѣщали, по усмотрѣнію своему, ту и другую партію. Дамы могли отправляться впередъ въ Петровскій Заводъ или

*) Цѣпи съ насъ были сняты, по Высочайшему повелѣнію, осенью 1828 года вслѣдствіе какого-то торжественнаго событія въ Царской фамиліи. По существующимъ узаконеніямъ не слѣдовало намъ и носить ихъ, потому что ссылаемые въ работы разжалованные дворяне избавлены отъ ношенія цѣпей, и только при вторичномъ преступленіи, т.-е., когда они уже не пользуются правами дворянства, съ ними поступаютъ, какъ съ простолюдинами. Но Государю угодно было подвергнуть насъ и этой мѣрѣ наказанія.

слѣдовать за ними въ собственныхъ экипажахъ и на свой счетъ.

Въ Читѣ я имѣлъ утѣшеніе получать письма отъ родныхъ моихъ и нѣкоторое пособіе.

Одинъ изъ моихъ братьевъ находился въ Турецкомъ походѣ, писала ко мнѣ жена его. Другой отставной, живши въ деревнѣ, поспѣшилъ отвѣчать на письмо одной изъ нашихъ дамъ. Я получилъ также извѣстіе и отъ родныхъ покойной жены. Оно было горестное—оставленная мною у нихъ пятилѣтняя дочь моя, единственный залогъ моего кратковременнаго союза, скончалась. Это послѣднее извѣстіе сильно поразило меня.

Передъ выходомъ нашимъ изъ Читы, съ другомъ моимъ Ивашевымъ случилось такое событіе, которое видимо показало надъ нимъ благость Провидѣнія. Я, кажется, упомянулъ прежде, что онъ, Мухановъ и Пестовъ, по собственной просьбѣ, остались въ прежнемъ маленькомъ казематѣ. Имъ тамъ было свободнѣе и покойнѣе. Я нерѣдко, съ разрѣшенія коменданта, бывалъ у нихъ и проживалъ по нѣскольку часовъ, другіе товарищи также посѣщали ихъ. Въ свою очередь и они ходили къ намъ. Сверхъ того, мы видѣлись почти каждый день во время работы. Ивашевъ, какъ я замѣчалъ, никакъ не могъ привыкнуть къ своему настоящему положенію и видимо тяготился имъ. Мы часто объ этомъ говорили между собою, и я старался сколько можно поддержать его и внушить ему болѣе твердости. Ничто не помогало. Онъ былъ грустенъ, мраченъ и задумчивъ. Разъ, какъ-то, на работѣ Мухановъ отвелъ меня въ сторону, сказалъ мнѣ, что Ивашевъ готовится сдѣлать большую глупость, которая можетъ стоить ему жизни и что онъ нарочно рѣшился мнѣ сказать объ этомъ, чтобы я съ моей стороны попробовалъ отговорить его. Тутъ онъ мнѣ объявилъ, что онъ вздумалъ бѣжать, и сообщилъ все, что зналъ о томъ.

Вотъ въ чемъ состояло дѣло. Ивашевъ вошелъ въ сношеніе съ какимъ-то бѣгло-ссыльно-рабочимъ, кото-

рый обѣщался провести его за Китайскую границу. Этотъ бѣглый завтра же долженъ былъ прійдти ночью къ тыну ихъ каземата. Тынъ уже былъ подпиленъ, и мѣсто для выхода приготовлено. По выходѣ изъ острога они должны были отправиться въ ближній лѣсъ, гдѣ, по словамъ бѣглаго, было уже приготовлено подземельное жилище, въ которомъ они должны были скрываться, покуда не прекратятся поиски, и гдѣ находились уже необходимые на это время припасы. Когда же прекратятся поиски, то они предполагали отправиться къ Китайской границѣ и тамъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Этотъ планъ былъ такъ неблагоразуменъ, такъ нелѣпъ, можно сказать, исполненіе его до такой степени невозможно, что я удивился, какъ могъ Ивашевъ согласиться на него. Не было почти никакого сомнѣнія, что человѣкъ, соблазнявшій его побѣгомъ, имѣлъ какія-нибудь другія намѣренія: или выдать его начальству и тѣмъ заслужить себѣ прощеніе *), или безнаказанно убить его и завладѣть находящимися у него деньгами; я же зналъ, что у него онѣ были: пріѣхавши въ Читу, онъ не объявилъ коменданту 1000 р., которые привезъ съ собою, и сверхъ того тайнымъ образомъ получилъ еще 500 руб. Объ этомъ самъ онъ мнѣ сказывалъ.

Выслушавъ Муханова, я сейчасъ послѣ работы отправился къ Ивашеву, сказалъ ему, что мнѣ извѣстно его

*) Подобное обстоятельство было съ извѣстнымъ полякомъ Высоцкимъ. Одинъ изъ бѣглыхъ уговорилъ его бѣжать съ завода, на которомъ онъ находился, и обѣщалъ провести въ Монголію. Тотъ повѣрилъ ему, и они отправились; но бѣглый завелъ его на какой-то островокъ рѣки Ангары, такъ что ему некуда было уйти оттуда, тамъ его оставилъ, а самъ далъ знать о его побѣгѣ начальству и привелъ посланный отрядъ къ острову. Изъ этого сдѣлали блистательное дѣло храбрости отряда и преданности бѣглаго:—Офицеръ, командовавшій отрядомъ (адъютантъ генер.-губерн.), былъ переведенъ въ гвардію, солдаты награждены, а бѣглый прощенъ. Высоцкаго, который и не думалъ защищаться, взяли, судили и строго наказали.

намѣреніе и что я пришелъ съ нимъ объ этомъ переговорить. Онъ очень спокойно отвѣчалъ мнѣ, что съ моей стороны было бы напраснымъ трудомъ его отклонять, что онъ твердо рѣшился исполнить свое намѣреніе и что потому только давно мнѣ не сказалъ о томъ, что не желалъ подвергать меня какой-либо отвѣтственности. На всѣ мои убѣжденія, на всѣ доводы о неосновательности его предпріятія и объ опасности, ему угрожающей, онъ отвѣчалъ одно и то же, что уже рѣшился, что далѣе оставаться въ казематѣ онъ не въ состояніи, что лучше умереть, чѣмъ жить такимъ образомъ. Однимъ словомъ, истощивъ возраженія, я не зналъ, что дѣлать. Время было такъ коротко, завтрашній день былъ уже назначенъ, и оставалось одно только средство остановить его—дать знать коменданту. Но быть доносщикомъ на своего товарища, на своего друга, ужасно! Наконецъ, видя всѣ мои убѣжденія напрасными, я рѣшительно сказалъ ему: «Послушай, Ивашевъ, именемъ нашей дружбы, прошу тебя отложить исполненіе своего намѣренія на одну только недѣлю. Въ эту недѣлю обсудимъ хорошенько твое предпріятіе, взвѣсимъ хладнокровно le pour et le contre, и если ты останешься при тѣхъ же мысляхъ, то обѣщаю тебѣ не препятствовать».—«А если я не соглашусь откладывать на недѣлю?» возразилъ онъ. «Если не согласишься, воскликнулъ я съ жаромъ, ты заставишь меня сдѣлать изъ любви къ тебѣ то, чѣмъ я гнушаюсь,—сейчасъ попрошу свиданія съ комендантомъ и разскажу ему все. Ты знаешь меня довольно, чтобы вѣрить, что я это сдѣлаю, и сдѣлаю именно по убѣжденію, что это осталось единственнымъ средствомъ для твоего спасенія».—Мухановъ меня поддерживалъ. Наконецъ, Ивашевъ далъ намъ слово подождать недѣлю. Я не опасался, чтобы онъ нарушилъ его, тѣмъ болѣе, что Мухановъ жилъ съ нимъ и могъ за нимъ наблюдать.

На третій день послѣ этого разговора, я опять отпросился къ Ивашеву, и мы толковали объ его намѣ-

реніи. Я исчислялъ ему всѣ опасности, всѣ невѣроятности успѣха. Онъ настаивалъ на своемъ, какъ вдругъ входитъ унтеръ-офицеръ и говоритъ ему, что его требуетъ къ себѣ комендантъ. Ивашевъ посмотрѣлъ на меня; но, видя мое спокойствіе, съ чувствомъ сказалъ мнѣ: «Прости меня, другъ Б., въ минутномъ подозрѣніи. Но что бы это значило? прибавилъ онъ, — не понимаю». Я сказалъ ему, что дождусь его возвращенія, и остался съ Мухановымъ.

Ивашевъ возвратился не скоро. Комендантъ продержалъ его часа два, и мы уже не знали, къ чему приписать его долгое отсутствіе. Опасались даже, не открылось ли какимъ образомъ нелѣпое намѣреніе бѣгства. Наконецъ, приходитъ Ивашевъ, разстроенный и въ несвязныхъ словахъ сообщаетъ намъ новость, которая и насъ поразила. Комендантъ присылалъ за нимъ для того, чтобы передать ему два письма, одно его матери, а другое матушки будущей жены его и спросить его, согласенъ ли онъ жениться на той дѣвушкѣ, мать которой писала это письмо. Оно адресовано было къ матери Ивашева. Въ немъ г-жа Ледантю открывала ей любовь дочери къ ея сыну, говорила, что эта любовь была причиною ея опасной болѣзни, въ продолженіи которой, думая умереть, она призналась матери въ своей къ нему привязанности, и что тутъ же мать дала слово дочери, по выздоровленіи ея, увѣдомить объ этомъ г-жу Ивашеву, и въ случаѣ ея согласія и согласія сына, дозволить дочери ѣхать въ Сибирь для вступленія съ нимъ въ бракъ. Въ этомъ письмѣ она упоминала также, что дочь ея ни за что бы не открыла сердечной тайны своей, если бы Ивашевъ находился въ прежнемъ положеніи, но что теперь, когда его постигло несчастіе и когда она знаетъ, что присутствіемъ своимъ можетъ облегчить его участь, доставить ему нѣкоторое утѣшеніе, то не задумывается нарушить свѣтскія приличія — предложить ему свою руку. Мать Ивашева отправила это письмо, вмѣстѣ съ своимъ, къ графу

Бенкендорфу, и тотъ, съ разрѣшенія Государя, предписывалъ коменданту спросить самаго Ивашева, согласенъ ли онъ вступить въ бракъ съ дѣвицею Ледантю.

Ивашевъ просилъ коменданта повременить отвѣтомъ до другого дня. Мы долго разсуждали объ этомъ неожиданномъ для него событіи. Дѣвицу Ледантю онъ очень хорошо зналъ. Она воспитывалась съ его сестрами у нихъ въ домѣ, и въ то время, когда онъ бывалъ въ отпускахъ очень ему нравилась, но никогда онъ не помышлялъ жениться на ней, потому что различіе въ ихъ общественныхъ положеніяхъ не допускало его останавливаться на этой мысли. Теперь же, припоминая нѣкоторыя подробности своихъ съ ней сношеній, онъ долженъ былъ убѣдиться въ ея къ нему сердечномъ расположеніи. Вопросъ о томъ, будетъ ли она счастлива съ нимъ въ его теперешней жизни, будетъ ли онъ умѣть вознаградить ее своею привязанностію за ту жертву, которую она принесетъ ему и не станетъ ли онъ впослѣдствіи раскаяваться въ своемъ поступкѣ, очень его тревожилъ. Мы съ Мухановымъ знали его характеръ, знали всѣ его прекрасныя качества, были увѣрены, что оба они будутъ счастливы и потому рѣшительно совѣтовали ему согласиться. Наконецъ, онъ рѣшился принять предложеніе. Разумѣется, послѣ этого рѣшенія не было уже и помину о побѣгѣ. Я даже не знаю, куда дѣвался его искуситель и какъ онъ отъ него отдѣлался. Не возьми я отъ него слова подождать недѣлю, легко могло бъ случиться, что эти письма не застали бы его въ Читѣ и пришли, когда дѣлались бы объ немъ розыски, слѣдовательно, не только бы бракъ его не состоялся, но и самъ онъ по всѣмъ вѣроятностямъ непремѣнно погибъ тѣмъ или другимъ образомъ. Такъ иногда самое ничтожное обстоятельство, по волѣ Провидѣнія, спасаетъ или губитъ человѣка.

Свадьба Ивашева была уже въ Петровскомъ Заводѣ, и потому я буду говорить о ней въ своемъ мѣстѣ.

Въ Іюлѣ, не помню котораго числа, мы выступили

изъ Читы. Я находился въ первой партіи; съ сожалѣніемъ простился навсегда съ мѣстомъ, гдѣ прожилъ болѣе трехъ лѣтъ и которое оставило въ памяти моей много пріятныхъ впечатлѣній. Небольшое число жителей Читы такъ полюбили насъ, что плакали, разставаясь съ нами и провожали до перевоза, болѣе трехъ верстъ отъ селенія. Въ особенности мы пользовались расположеніемъ жены Читинскаго горнаго начальника г-жи Смольяниновой. Она каждый день присылала намъ во время работы завтраки своей стряпни, старалась каждому быть чѣмъ нибудь полезною, но преимущественно расположена была къ Анненкову и Завалишину. Дѣдъ перваго со стороны матери, генералъ Якоби, былъ когда-то генералъ-губернаторомъ въ Сибири и оказалъ услугу отцу Смольяниновой. Она не могла этого забыть и считала священнымъ долгомъ отплатить внуку за благодѣяніе дѣда. Прекрасная черта въ простой, необразованной женщинѣ. Она даже пострадала за Анненковыхъ и нисколько не сожалѣла объ этомъ. Письмо, отданное ею г-жею Анненковой и отправленное ею секретно къ кому-то изъ родныхъ Анненкова въ Москву, попалось въ руки правительства. Изъ него узнали, что оно шло чрезъ Смольянинову и приказали коменданту арестовать ее на недѣлю. Завалишинъ впослѣдствіи женился на ея дочери и по окончаніи своего тюремнаго заключенія жилъ съ ними въ Читѣ.

Походъ нашъ въ Петровскій заводъ, продолжавшійся слишкомъ мѣсяцъ въ самую прекрасную осеннюю погоду, былъ для насъ скорѣе пріятною прогулкою, нежели утомительнымъ путешествіемъ. Я и теперь вспоминаю о немъ съ удовольствіемъ. Мы сами помирали со смѣху, глядя на костюмы наши и на наше комическое шествіе. Оно открывалось почти всегда Завалишинымъ въ круглой шляпѣ съ величайшими полями, и въ какомъ-то платьѣ чернаго цвѣта своего собственнаго изобрѣтенія, похожаго на квакерскій кафтанъ. Будучи маленькаго роста, онъ держалъ въ одной рукѣ палку

Г. Чита;—тюрьма.

гораздо выше себя, а въ другой книгу, которую читалъ. За нимъ Якушкинъ въ курточкѣ à l'enfant; Волконскій въ женской кацавейкѣ; нѣкоторые въ долгополыхъ пономарскихъ сюртукахъ, другіе въ испанскихъ мантіяхъ, иные въ блузахъ; однимъ словомъ, такое разнообразіе комическаго, что еслибъ мы встрѣтили какого нибудь Европейца, выѣхавшаго только изъ столицы, то онъ непремѣнно подумалъ бы, что тутъ есть большое заведеніе для сумасшедшихъ, и ихъ вывели гулять. Выходя съ мѣста очень рано, часа въ три утра, мы къ восьми или къ девяти часамъ оканчивали переходъ нашъ и располагались на отдыхъ. Останавливались не въ деревняхъ, которыхъ по Бурятской степи очень мало, а въ полѣ, гдѣ заранѣе приготовлялись юрты. Мѣсто выбирали около рѣчки или источника на лугу и всегда почти съ живописными окрестностями и мѣстоположеніемъ. Въ восточной Сибири, и особенно за Байкаломъ, природа такъ великолѣпна, такъ изумительно красива, такъ богата флорою и пріятными для глазъ ландшафтами, что бывало невольно, съ восторженнымъ удивленіемъ, простоишь нѣсколько времени, глядя на окружающіе предметы и окрестности. Воздухъ же такъ благотворенъ и такъ напитанъ ароматами душистыхъ травъ и цвѣтовъ, что, дыша имъ, чувствуешь какое-то особенное наслажденіе. При каждой партіи находился избранный нами изъ товарищей хозяинъ, который отправлялся обыкновенно съ служителями впередъ на мѣсто отдыха и къ приходу партіи приготовлялъ самовары и обѣдъ. По прибытіи на мѣсто, мы выбирали себѣ юрты и располагались въ нихъ по четыре или пяти человѣкъ въ каждой. Употребивъ съ полъчаса времени на приведеніе въ порядокъ необходимыхъ вещей и постелей нашихъ, садились или, лучше сказать, ложились пить чай и бесѣдовали такимъ образомъ до самаго обѣда. Ивашевъ, Мухановъ, двое братьевъ Бѣляевыхъ и я располагались всегда вмѣстѣ въ одной юртѣ. Къ намъ обыкновенно собирались многіе това-

рищи изъ другихъ юртъ. Одинъ изъ пятерыхъ обыкновенно дежурилъ по очереди, т.-е. разливалъ чай, приносилъ обѣдъ, приготовлялъ и убиралъ посуду. Послѣ обѣда часа два-три отдыхали, а съ уменьшеніемъ жара выходили гулять и любоваться мѣстоположеніемъ. Потомъ пили чай и опять бесѣдовали до вечера.

Вечеромъ маленькій лагерь нашъ представлялъ прекрасную для глазъ картину, достойную кисти художника живописца. Вокругъ становилась цѣпь часовыхъ, которые безпрестанно перекликались между собою; въ разныхъ мѣстахъ зажигались костры дровъ, около которыхъ сидѣли въ разнообразныхъ положеніяхъ проводники наши Буряты, между которыми были и женщины, съ своими азіатскими лицами и странными костюмами. Въ юртахъ нашихъ свѣтились огни, и въ открытый входъ ихъ, видна была вся внутренность и все то, что происходило въ каждой изъ нихъ. Почти всегда въ это время, большая часть изъ насъ ходили кучками внутри цѣпи, около костровъ, толковали съ Бурятами и между собою. Видъ всего этого былъ безподобный, и я часто проводилъ цѣлые часы, сидя на какомъ нибудь пнѣ и восхищаясь окружающею меня картиною. Особенно пріятенъ для насъ былъ день отдыха. Тогда мы оставались на одномъ мѣстѣ почти два дня, и слѣдовательно, имѣли время и хорошенько отдохнуть, и налюбоваться природой, и побесѣдовать между собою. Лишь только начинало свѣтать, насъ обыкновенно будили, и въ полчаса мы были уже готовы къ походу. Пройдя верстъ 12 или 15, мы на часъ останавливались у какого нибудь источника и завтракали. Рюмка водки, кусокъ холодной телятины или жареной курицы всегда былъ въ запасѣ у кого-либо изъ женатыхъ и радушно предлагался всѣмъ. Во время похода многіе отходили на нѣкоторое разстояніе въ стороны и занимались ботаническимъ изслѣдованіемъ тамошней флоры или сборомъ коллекціи насѣкомыхъ. Послѣднимъ предметомъ любили заниматься братья Борисовы. Они составили

за Байкаломъ и въ Сибири огромную и очень любопытную коллекцію насѣкомыхъ, которую послали, кажется, знаменитому московскому профессору Фишеру. Ботаникомъ нашимъ былъ Якушкинъ.

Въ партіи нашей находился Лунинъ. Онъ, по своему оригинальному характеру, уму, образованію и нѣкоторой опытности, пріобрѣтенной въ высшемъ обществѣ, былъ человѣкъ очень замѣчательный и очень пріятный. Большая часть изъ временщиковъ того времени, Чернышевъ, Орловъ, Бенкендорфъ и т. д. были его товарищами по службѣ. Съ Карамзинымъ, Батюшковымъ и многими другими замѣчательными лицами онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Мы съ любопытствомъ слушали его разсказы о закулисныхъ событіяхъ прошедшаго царствованія и его сужденія о дѣятеляхъ того времени, поставленныхъ на незаслуженные пьедесталы. Князь Волконскій и Никита Муравьевъ, бывшіе тоже въ нашей партіи, очень занимали насъ также своими любопытными разговорами. Первый—членъ высшей русской аристократіи, бывшій флигель-адъютантъ и генералъ въ 23 года отъ роду, отлично участвовалъ въ кампаніи 1812 года и находился или при самомъ Государѣ, или при главнокомандующихъ, былъ часто употребляемъ для исполненія важныхъ порученій и потому много видалъ и много зналъ. Говорилъ онъ прекрасно, съ одушевленіемъ, особенно когда дѣло шло о военныхъ дѣйствіяхъ. Второй—сынъ воспитателя Императора Александра и В. К. Константина, извѣстнаго Михаила Никитича Муравьева, былъ человѣкъ съ разнообразными и большими свѣдѣніями. Онъ занималъ не послѣднее мѣсто въ аристократическомъ петербургскомъ кругу. Въ домѣ его матушки, вдовы покойнаго М. Н., собирались всѣ замѣчательные люди того времени: Карамзинъ, Уваровъ, Оленинъ, Панинъ и т. д. Много любопытнаго, почерпнутаго изъ ихъ разсказовъ, могъ бы я помѣстить здѣсь, но удерживаюсь, не желая нарушить принятаго мною правила.

Во время путешествія нашего пріѣхали къ намъ еще двѣ дамы: жена Розена и Юшневская. Послѣдняя, проживая въ Тульчинѣ, сообщила мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о родныхъ покойной жены моей, съ которыми она жила въ одномъ мѣстѣ. Они по отъѣздѣ ея собирались ѣхать на жительство въ Петербургъ, гдѣ служилъ братъ жены моей, выпущенный послѣ меня уже изъ Лицея.

Наконецъ, мы стали приближаться къ Петровскому Заводу. Прошли г. Верхнеудинскъ и, слѣдуя далѣе, останавливались уже въ старообрядческихъ селеніяхъ. Вообще они живутъ въ этомъ краю очень привольно и достаточно. Переведенные туда изъ Россіи въ царствованіе Екатерины и будучи народомъ трудолюбивымъ, трезвымъ, они скоро разбогатѣли въ своихъ новыхъ мѣстахъ. Нѣкоторыя изъ ихъ селеній удивляли насъ своею величиною и постройкою. Насъ принимали они радушно, и мы оченъ покойно помѣщались у нихъ во время нашихъ ночлеговъ.

Верстъ за сто отъ Петровскаго, дамы наши уѣхали впередъ, для приготовленія себѣ квартиръ. Нѣкоторыя изъ нихъ, Муравьева, Трубецкая и Анненкова, имѣли уже дѣтей. Три ихъ дочери, рожденныя въ Читѣ, теперь уже замужемъ и находятся въ Россіи съ мужьями своими. Вѣроятно, онѣ уже забыли о мѣстѣ своего рожденья и той обстановкѣ, которая сопровождала ихъ появленіе на свѣтъ и ихъ младенчество.

На послѣднемъ ночлегѣ къ Петровскому, мы прочли въ газетахъ объ Іюльской революціи въ Парижѣ и послѣдующихъ за ней событіяхъ. Это сильно взволнотало юные умы наши, и мы съ восторгомъ перечитывали все то, что̀ описывалось о баррикадахъ и трехдневномъ народномъ возстаніи. Вечеромъ всѣ мы собрались вмѣстѣ, достали гдѣ-то бутылки двѣ-три шипучаго и выпили по бокалу за Іюльскую революцію и пропѣли хоромъ марсельезу. Веселые, съ надеждою на лучшую будущность Европы, входили мы въ Петровское.

Петровскій Заводъ, большое населеніе съ двумя тысячами жителей, съ казенными зданіями для выработки чугуна, съ плавильною, большимъ прудомъ и плотиною, деревянною церковью и двумя или тремя стами избъ, показалось намъ, послѣ немноголюдной Читы, чѣмъ-то огромнымъ. Входя въ него, мы уже могли видѣть приготовленный для насъ тюремный замокъ, обширное четвереугольное зданіе, выкрашенное желтой краской и занимавшее, вмѣстѣ съ идущимъ отъ боковъ его тыномъ, большое пространство; жилое строеніе, т.-е. то, гдѣ находились наши казематы, занимало одинъ фасъ четвереугольника и по половинѣ боковыхъ фасовъ. Къ нимъ примыкалъ высокій тынъ и составлялъ двѣ другія половины боковыхъ фасовъ и весь задній. Пространство между тыномъ назначалось для прогулокъ нашихъ. Въ срединѣ передняго фаса находились гаубвахта и входъ во внутренность зданія.

Все зданіе раздѣлялось на двѣнадцать отдѣленій; въ каждомъ боку находилось по три; въ наружномъ же фасѣ, по обѣимъ сторонамъ гаубвахты, шесть. Каждое отдѣленіе имѣло особый входъ со двора и не сообщалось съ другимъ. Оно состояло изъ коридора и пяти отдѣльныхъ между собою номеровъ, изъ которыхъ выходы были въ общій коридоръ. Этотъ коридоръ былъ теплый, и изъ него топились печи, грѣвшія номера. Предъ самымъ входомъ съ гаубвахты, на дворѣ было еще особое строеніе, заключавшее въ себѣ: кухню, кладовую и обширную комнату, предназначенную для общаго стола. Сверхъ того, внутри зданія, были отдѣльные дворы, окруженные тыномъ, такъ что для четырехъ отдѣленій: 1-го, 2-го, 11-го и 12-го (если начать считать ихъ съ послѣдняго изъ боковыхъ) были особые дворы; для 3, 4, 5, одинъ общій: для 8, 9 и 10 тоже общій, а для двухъ среднихъ 6-го и 7-го, находившихся по бокамъ воротъ,— одинъ большой дворъ, общій съ кухоннымъ строеніемъ.

Насъ размѣстили сейчасъ же по приходѣ въ наши

казематы. Нѣсколькимъ изъ насъ, по недостатку номеровъ, досталось жить по двое. Комнаты наши были довольно просторны и высоки, но безъ оконъ. Свѣтъ проходилъ въ дверь, которая была прямо противъ коридорнаго окошка, такъ что мы должны были помѣщать столы наши у этой двери, оставляли только проходъ и занимались чтеніемъ или другимъ чѣмъ-нибудь, сидя прямо противъ нея. Для этого она и оставалась цѣлый день отворенною. На ночь насъ запирали, но не поодиночкѣ каждаго въ своемъ номерѣ, а цѣлое отдѣленіе со двора. При каждомъ отдѣленіи былъ сторожъ, инвалидный солдатъ.

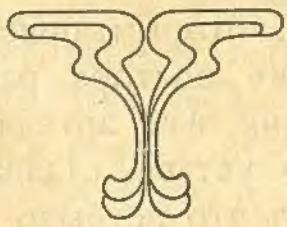
Въ Петровскомъ Заводѣ я провелъ шесть лѣтъ и всегда съ удовольствіемъ, съ признательностью ко всѣмъ товарищамъ моимъ, вспоминаю объ этомъ времени. Не могу даже не быть благодарнымъ и доброму коменданту, старику Лепарскому и всѣмъ офицерамъ, назначеннымъ для надзора за нами. Постараюсь изложить здѣсь и нашу тамъ жизнь, и тѣ событія въ нашемъ маленькомъ обществѣ, нашемъ отдѣльномъ мірѣ, которыя сохранились у меня въ памяти.

По прибытіи въ Заводъ, насъ нѣкоторое время не водили на работы, а дали отдохнуть отъ похода и устроиться въ новомъ нашемъ жилищѣ. Мужьямъ позволили прожить нѣсколько дней съ женами въ ихъ домахъ. Говорю въ ихъ домахъ, потому что каждая изъ дамъ, живши еще въ Читѣ, или построила себѣ, или купила и отдѣлала свой собственной домикъ въ Петровскомъ Заводѣ. Это исполнили онѣ не сами, а поручили, съ согласія коменданта, кому-то изъ знакомыхъ имъ чиновниковъ, такъ что, по прибытіи ихъ туда, дома для всѣхъ были уже готовы. Однѣ только двѣ новопріѣхавшія: Юшневская и Розенъ не имѣли собственныхъ домовъ и помѣстились въ наемныхъ квартирахъ. Въ первые дни, въ нашей общей тюрьмѣ было въ родѣ хаоса: раскладывались съ вещами, заказывали кое-какую мебель, придумывали какъ лучше помѣститься

въ своей комнатѣ, чтобы пользоваться коридорнымъ свѣтомъ, бѣгали изъ одного номера въ другой, отыскивали товарищей, осматривали отдѣленія и всѣ внутреннія постройки тюремнаго замка, сходились въ общую залу къ обѣду и къ ужину, пили чай по разнымъ мѣстамъ, потому что у каждаго не было ни особаго самовара, ни собственнаго сахару и чаю. Но это продолжалось не долго и подало мысль къ устройству общей артели, которая въ продолженіи всего нашего пребыванія въ Петровскомъ, такъ обезпечивала нашу матеріальную жизнь и такъ хорошо была придумана, что никто изъ насъ во все это время не нуждался ни въ чемъ и не былъ ни отъ кого зависимъ. Я не лишнимъ считаю помѣстить здѣсь полный уставъ нашей большой артели. Онъ объясняетъ подробно какъ цѣль, такъ и весь механизмъ этого вполнѣ оправдавшаго себя учрежденія. Разумѣется, что все это дѣлалось съ вѣдома коменданта и было имъ одобрено. Женатые не пользовались ничѣмъ изъ артели, подписывая между тѣмъ значительные ежегодные взносы: Трубецкой отъ 2 до 3 т. ассиг., Волконскій до 2 т., Муравьевъ отъ 2 до 3 т., Ивашевъ до 1000, Нарышкинъ и Фонъ-Визинъ тоже до 1000 рублей.

Тѣ изъ холостыхъ, которымъ присылали болѣе 500 р. въ годъ, вносили въ полтора раза или вдвое противу получаемаго ими изъ артели, кто 800, а кто и 1000. Остальные, по уставу, отдавали всѣ присылаемыя имъ деньги, такъ что не было ни одного года, въ который бы не доставалось каждому члену артели пяти сотъ рублей ассигнаціями. Изъ экономической суммы и изъ суммъ маленькой артели; о которой я буду говорить ниже сего, отъѣзжающіе на поселеніе получали временное пособіе отъ 600 до 800 на каждаго человѣка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи 3
Посланіе къ узникамъ—А. С. Пушкина. 6
Струнъ вѣщихъ пламенные звуки—Одоевскаго. . . . 7
Мое изгнаніе въ Сибирь—Е. П. Оболенскаго. . . . 8
Проводы кн. Волконской
I. Вечеръ у княгини З. Волконской 35
II. Кн. М. Волконской, рожденной Раевской. . 39
Путь къ ссыльно-каторжному. Изъ записокъ кн. Волконской. 40
На каторгѣ 47
Рапортъ. 51
Изъ жизни въ Читѣ.—Изъ записокъ Басаргина . . . 52